
ОЛЬГА
БЕРЕЗОВСКАЯ
КЛЕТКА
ДЛЯ СТЕПНОЙ
ВОЛЧИЦЫ

Ольга Березовская

Клетка для степной волчицы

«Автор»
2026

Березовская О.

Клетка для степной волчицы / О. Березовская — «Автор», 2026

«Я не убила тебя, потому что увидела в тебе себя».«Я не отпустил тебя, потому что без тебя мне не нужна свобода».Так начинается их история. Как она закончится – не знает никто. Даже боги.

© Березовская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 5
2 10
3 17
4 23
5 27
6 30
7 34
8 36
9 40
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Ольга Березовская
Клетка для степной волчицы

1

Осенняя степь переливалась всевозможными оттенками золота и меди. Ковыль от жаркого летнего солнца стал медовым. Сухие жёлтые травинки словно перешёптывались между собой под лёгкой поступью лошадей. Уже остывающий ветер гнал волну по бескрайним просторам. И степь становилась похожей на море. Только оно было золотое. И волновалась не вода, а многочисленные травы.

А где вдалеке, на горизонте бескрайнее голубое небо сливалось с травой. И казалось, что нет границы между землёй и небом. Есть только ветер. Только бескрайняя пустота, от которой захватывает дух. Пустота, которая на самом деле никогда не бывает пустой. Потому что она полна запахов – полыни, сухой земли, дальнего дыма. Полна звуков – посвиста сусликов, стрекота кузнечиков, шороха ковыля. Полна жизни, которая прячется, затаивается, ждёт.

Зарина скакала и вспоминала рассказы старого вождя. Степь – это их дом. Дом, для тех, кто родился здесь. Для тех, кто вырос здесь. Для тех, кто умрёт здесь. Степь знает каждого по имени. Она помнит, как ты сделал первый шаг, как впервые сел на коня, как впервые взял в руки меч. Степь помнит твою первую любовь и твою первую потерю. Она помнит всё. И никогда не забудет.

В степи нет случайных людей. Те, кто приходит сюда, либо становятся своими, либо умирают. Степь не принимает чужих. Она смотрит, слушает, ждёт. Если ты слаб – она уничтожит тебя. Если силён – сделает своим. И тогда ты поймёшь её язык. Язык ветра, язык травы, язык полыни. И тогда ты уже не сможешь уйти. Потому что степь будет звать тебя. Всегда.

Зарина родилась не здесь. Но степь сделала её своей. Когда её привезли сюда, маленькую, умирающую, степь посмотрела на неё и нашептала старому вождю: «Эта выживет». И она выжила. Выросла. Стала царицей. Теперь степь знала её имя. Знала, что она – проводница, хотя сама Зарина ещё не знала этого. Знала, что она – та, кто соединит степь и воду, жизнь и смерть, прошлое и будущее.

Но это будет потом. А сейчас была только степь. Золотая, бескрайняя, живая. И она, Зарина, её часть. Её царица. Её дочь.

Вороной жеребец Буран чувствовал настроение наездницы, ведь она выходила его. Конь шёл ровно, не сбиваясь, и только иногда водил ноздрями, когда ветер приносил незнакомый запах. Она гладила его по шее, шептала что-то, и он успокаивался. Они понимали друг друга без слов.

Зарина придержала коня. Она положила руку ему на холку, успокаивая, и оглянулась на своих воинов, которые отстали. Их было трое. Старый Атрай – седой, с лицом, изрезанным шрамами, единственный, кто мог говорить с ней без подобострастия. Молодые близнецы Борисфен и Танаид – горячие, вечно спорящие друг с другом, но верные как псы. Она знала их с детства. Зарина знала каждого воина своего племени – кто на что способен, кто солжёт, а кто умрёт, но не предаст.

Туша сайгака, добытого на сегодняшней охоте, оттягивала седло. Но Зарина не обращала на это внимание. Ведь мясо им пригодится. Степь в этом году скупа на дичь, а значит, зима будет тяжёлой. Она уже чувствовала её приближение – в холодных ночах, в ветрах, которые дули с севера, в том, как рано стали желтеть травы.

Высокая, стройная, смуглая кожа обветрена солнцем и ветрами. Густые светлые волосы, заплетённые в косы. А в косах блестели маленькие золотые колечки – дар старого вождя. Глаза

– янтарные, с золотыми искрами, как степь на закате. В них читалось всё. Мудрость, пришедшая с годами, и боль. Боль Зарина носила в себе так долго, что даже забыла, когда она началась. А ещё огонь – тот самый огонь, который старый вождь увидел в умирающей девочке и который не погас до сих пор.

На шее – золотая волчица. Родовой амулет, знак царской власти. Зверь, готовый к прыжку. Глаза её – два крошечных рубина – смотрели вперёд, как и глаза самой царицы. Узоры и рисунки украшали её запястья. Их наносили постепенно. Рысь – когда она стала женщиной. Пантеру – когда стала воительницей. Волчицу рисовали самой последней. Рысь, пантера, волчица – вот вся её суть.

Одежда на Зарине простая, удобная, но дорогая. Кожаные штаны, мягкие сапоги, расшитые золотыми нитями. Кафтан из тонкой шерсти, тёмно-красный, с вышивкой на вороте и рукавах – те же звери, те же знаки. Поверх – лёгкий чешуйчатый доспех, не стесняющий движений. Она никогда не снимала его, даже когда ехала на охоту, даже когда сидела у костра. Ведь в степи враг может прийти в любую минуту.

Зарина была красива той красотой, которую не назовёшь нежной. Красотой стали, красотой ветра, красотой степи, которая не прощает слабости. Но в ней было что-то ещё. Что-то, что старый вождь увидел в ней, когда она лежала умирающая, что-то, что заставило его сказать: «Эта выживет». Что-то, что муж, молодой и горячий, любил в ней до самой своей смерти. Что-то, что она сама давно похоронила в себе, но что, может быть, не умерло до конца.

Атрай поравнялся с ней. Он постарел. Зарина помнила их первую встречу. Сейчас же седина уже полностью вытеснила черноту его волос. Лицо изрезали морщины и шрамы, один глаз слезится на ветру. Но руки его по-прежнему твёрды, и меч он держит так, как держал в молодости – так говорят старожилы племени. Он был верен её мужу, верен старому вождю, верен ей. Она знала: если все отвернутся, Атрай останется.

– Царица, – голос его был ровным, но она знала его достаточно долго, чтобы услышать то, что он не говорит. – Старейшины снова шепчутся.

Она не ответила. Смотрела на горизонт, где в вечернем мареве уже угадывались тёмные пятна шатров.

– Говорят, что женщина не может править одна, – продолжал Атрай, не глядя на неё. – Что степь требует сильной руки. Что после смерти твоего мужа…

Он замолчал, подбирая слова.

– После смерти моего мужа прошло три года, Атрай. Они могли выбрать нового вождя. Не выбрали.

– Не выбрали, потому что боялись, – сказал Атрай. – А теперь перестали бояться. Они говорят, что ты слишком долго была одна. Что ты ослабла. Что твоя власть…

Он снова замолчал.

– Договаривай.

– Что твоя власть держится только на памяти о старом вожде и твоём муже. А память умирает.

Она сжала поводья так, что побелели костяшки. Буран почувствовал её напряжение, прянул ушами, но она успокоила его лёгким движением руки.

– Степь требует урожая и дичи, Атрай. Сильная рука не накормит детей.

– Сильная рука удержит власть. А слабая – потеряет.

– Ты думаешь, я слаба?

Он посмотрел на неё. В его глазах – не насмешка, не жалость. Только правда.

– Я думаю, ты слишком долго была одна, царица. Слишком долго. Женщине нужен кто-то рядом. Не для власти. Для… – он не закончил.

Она не ответила. Смотрела на степь, которая расстилалась перед ними, золотая, бескрайняя, живая. Она была одна. Она всегда была одна. С детства, когда её украли из дома. С того дня, когда старый вождь умер. С того дня, когда убили мужа.

Но она не могла показать этого. Никогда. И никому.

Они спускались в овраг. Здесь воздух стал другим – тяжёлым, сладковатым. Зарина узнала этот запах раньше, чем увидела тела: кровь, смешанная с лошадиным потом и прелой землёй. Запах смерти, которая ещё не успела стать просто землёй. Зарина подняла руку, останавливая отряд. Близнецы напряглись, руки их легли на мечи.

– Тихо, – сказала она.

Они двинулись медленно, держа луки наготове. Овраг был старый, глубокий, с крутыми склонами, поросшими ковылём. Внизу темнел провал, и оттуда веяло холодом и кровью.

Зарина знала это место. Здесь, у подножия старого кургана, хоронили вождей её рода. Здесь лежал её муж. Здесь, через несколько лет, ляжет и она. Если, конечно, её народ позволит ей лежать рядом с предками. А не вычеркнет её имя из памяти. Повод для этого всегда найдётся. Она отогнала эту мысль. Не время. Не сейчас.

Первой она увидела лошадь. Она лежала на боку, с перерезанным горлом, и её мёртвые глаза смотрели в небо. Рядом – тело всадника. Боспорские доспехи, чешуйчатый панцирь греческого образца, но скифский лук на плече. Элитный отряд. Разведчики.

Зарина спешилась. Буран фыркнул, потянул ноздрями воздух, попятился назад, но она удержала его. Погладила по морде, шепнула что-то успокаивающее. Он замер, но ноздри его всё ещё трепетали. Она пошла вниз, к месту, где земля была вытоптана и залита кровью. Сапоги вязли в грязи, смешанной с кровью. Здесь бились. И бились жестоко.

– Боспорцы, – сказал Атрай, осматривая одного из убитых. – Отряд конных лучников. Хорошо обучены. Слишком хорошо для простой разведки.

– Все мертвы? – спросила Зарина.

– Похоже на то. С обеих сторон. Но… – он замолчал, оглядываясь.

– Что?

– Их слишком мало для полноценного отряда. И слишком много для разведчиков. Значит это было что-то другое. Не случайная стычка.

Она прошла дальше. Среди тел в боспорских доспехах она увидела своих. Трое. Те, кто ушёл в разведку три дня назад и не вернулся. Молодые. Горячие. И уже мёртвые. Она опустилась на колено рядом с тем, кто был ближе всех. Молодой воин, едва усы пробились. Она помнила его мальчишкой, бегающим за её конём. Помнила, как он впервые взял в руки меч. Помнила, как он поклялся ей в верности.

Она провела рукой по его лицу, закрыла глаза. Шепнула молитву предкам – тихо, на скифском, так, чтобы никто не слышал:

– Примите их в свои курганы. Они были достойны. Они были верны. Они были моими воинами.

Атрай стоял рядом. Молчал. Зарина знала, что среди убитых – его племянник. Но он не показывал боли. Только сжатые челюсти, только побелевшие костяшки пальцев, сжимающих меч.

– Царица, – сказал он, голос его был ровным, слишком ровным. – Мы должны уходить. Скоро стемнеет. В темноте нас могут не заметить, но и мы тоже не заметим опасности.

Она кивнула. Встала. И вдруг краем глаза Зарина заметила, как шевельнулась рука одного из боспорцев. Там, у подножия кургана, где тела лежали вперемешку, словно их сбросили в одну яму. Она быстрым шагом направилась туда. Атрай окликнул её, но она не остановилась.

Тело боспорца лежало лицом вниз. Одежда изодрана, доспехи пробиты. В руке – скифский акинак. Короткий меч, которым скифы дорожат больше, чем золотом. Он защищался им. До последнего. Она перевернула его ногой.

Всё-таки он был жив. Грудь едва-едва вздымалась, но он дышал. Дышал тяжело, с хрипом, но дышал. Лицо бледное, в грязи и крови, но сквозь всё это она увидела его. Молодой. Лет тридцать, не больше. Тёмные волосы, спутанные, в крови. Рассеченная бровь неправильной формы на красивом лице. Она не портила его, а наоборот придавала лицу хищное, асимметричное выражение. Шрамы. Много шрамов. Но больше всего её привлекли руки. Длинные пальцы, никаких мозолей земледельца или ремесленника – такие руки бывают у тех, кто привык отдавать приказы, а не выполнять чужую волю.

Атрай подошёл, встал за её плечом.

– Боспорец, – сказал он. – Убей его, царица. Они убили троих наших.

Зарина не ответила. Смотрела на руки едва живого боспорца.

– Царица, – повторил Атрай.

– Я слышу.

– Убей. Это долг. Кровь за кровь.

Раненый открыл глаза. В них не было ни боли, ни страха. Ничего. Только лишь холодная ярость. Он смотрел на неё, на золотую волчицу на её груди – знак царской власти, – на её меч, на её лицо. Смотрел так, будто запоминал.

– Убей, – сказал он хрипло, на скифском с акцентом. – Я не стану твоей забавой.

Близнецы обнажили мечи. Борисфен, горячий, нетерпеливый, сделал шаг вперёд.

– Царица, позволь мне.

– Стоять, – сказала она.

– Царица, – голос Атрая стал твёрже. – Это враг. Добей его. Пока он не пришёл в себя. Пока он не…

Она смотрела на него. На руки. На глаза. На акинак, который он всё ещё сжимал. Такой воин не приходит один. За ним всегда следует отряд. За него можно получить выкуп или что-то ещё. Но было ещё что-то почему она не могла его убить. Что-то, что она не могла объяснить, но чувствовала. Она выпрямилась.

– Забрать его с собой. Перевязать раны. И держать в отдельном шатре.

– Царица! – Атрай сделал шаг к ней. – Он убил наших воинов. Твоих воинов. Ты не можешь…

Она посмотрела на него. В её глазах – сталь. Та же сталь, которая заставила племя признать её царицей, когда она была девочкой. Та же сталь, которая держала её власть.

– Я сказала.

Атрай хотел возразить – она видела это по его лицу. Но он молчал. Склонил голову. Отступил. Близнецы подчинились, подняли раненого. Он не сопротивлялся. Не мог. Только смотрел на неё, пока его тащили к лошади.

Зарина уже занесла ногу, чтоб вскочить на коня, когда что-то заставило её обернуться. Блики закатного солнца на камне. Она подошла ближе. На валуне у подножия кургана был нацарапан знак. Едва заметный. Словно его оставляли на бегу, в спешке. Но она узнала его. Она узнала бы его среди тысячи.

Такой знак оставлял её муж. На деревьях, на камнях, на древках стрел. Он говорил: «Это наш с тобой знак, Зарина. Чтобы ты знала: я здесь, я жду, я вернусь. Знак человека, который любит тебя».

Но он не вернулся. Он погиб три года назад. Его тело сожгли на погребальном костре, его кости легли в курган, его золото ушло в землю. Она стояла тогда у костра и не плакала. Не могла. Не имела права.

Но теперь их знак здесь. Свежий. Нацарапанный сегодня. Или вчера. Она медленно повернулась к раненому. Его везли на коне, лицом вниз, бесчувственного. Но в тот самый миг, когда она посмотрела на него, он поднял голову. Сквозь кровь и грязь на его лице она увидела его глаза. Они смотрели на неё удивительно спокойно.

– Кто ты? – прошептала она.

Он не ответил. Не мог. Но в его взгляде было что-то такое, от чего у неё похолодело в груди. Не страх. Что-то другое. Что-то, чему она не могла дать название. Что-то, что она чувствовала, когда смотрела в глаза раненому зверю, который ещё может убить.

Атрай окликнул её:

– Царица. Пора. Скоро стемнеет.

Она не двинулась с места. Смотрела на раненого, на знак на камне, на закатное солнце, которое окрасило степь в цвет крови. Смотрела на курган, где лежал её муж.

– Царица! – повторил Атрай.

Она развернула коня. Вскочила в седло. Не оглядываясь. Но в голове её билась одна-единственная мысль. Отрезвляющая, холодная, как осенняя вода: этот человек знает то, чего не должен знать. И он пришёл за ней.

На степь опустились сумерки. Солнце ушло за горизонт, и трава стала тёмной, почти чёрной. Где-то завыл волк. Или им показалось. Зарина пришпорила коня. Её отряд двинулся за ней.

Она не знала, кто оставил знак на камне. Не знала, кого везёт с собой. Не знала, что этот день изменит всю её жизнь и не только её. Она знала только одно: она не убила этого боспорца. И это не было прагматичным решением разума. Это было продиктовано чем-то другим. Чем-то, чему она не давала выхода много лет. Чем-то в глубине её души, что, может быть, никогда не умирало.

2

Сон пришёл не сразу. Зарина долго ворочалась на медвежьей шкуре, смотрела на полог шатра, за которым угадывалась тяжёлая тьма осенней степи. В голове крутилась сначала одна-единственная мысль: почему она всё же пощадила этого пленного? А затем появилась и другая, более пугающая: как появился знак её мужа на том камне?

Зарина закрыла глаза, и наконец-то темнота сомкнулась над ней, даруя сон. Ей снилась степь. Не та, которую она знала и любила. Золотая, бескрайняя, дышащая ветрами. Другая. Которую она всегда боялась, хоть никому в этом и не признавалась. Сумеречная степь. Когда солнце уже село, а луна ещё не взошла. Короткое время междумирья, когда тени живут своей жизнью, а мёртвые выходят из курганов подышать холодным воздухом.

Зарина стояла на вершине холма. Внизу, у подножия, лежал старый курган. Тот самый, неподалеку от которого нашли раненого. Трава на нём выросла выше человеческого роста, полынь пахла горько и терпко. И на камне снова тот же знак. Её знак. Знак мужа.

Она пошла вниз. Казалось, трава расступалась перед ней. Полынь шептала что-то на своём языке. Она почти понимала язык трав, но до конца разобрать всё же не смогла. Курган был всё ближе. Камень рядом с ним будто притягивал её знаком. Знак был свежим, как вчерашний.

– Зарина, - голос был тихим, далёким.

Она знала его. Знала так, как знают только тех, кто однажды был частью тебя. Она обернулась. Он стоял в трёх шагах от неё. Муж. Молодой, каким она запомнила его в первый год их брака. Волосы светлые, как выгоревшая трава, глаза – цвета степного мёда. Он улыбался той самой улыбкой, от которой у неё когда-то замирало сердце. И которую она не видела целых три года.

– Ты пришёл, – сказала она.

Голос её не дрожал от страха. Она давно научилась его не показывать.

– Я всегда здесь, – сказал он. – Ты знаешь.

– Знак на камне… это ты?

Он не ответил. Лишь посмотрел сначала на курган, а потом на неё.

– Ты не убила его, – сказал он.

– Ты видел?

– Я вижу многое. Оттуда всё видно.

Она хотела спросить, что значит «оттуда». Хотела спросить, почему он пришёл. Хотела спросить, почему три года молчал. Но слова застряли в горле.

– Он должен жить, – сказала она. – Не знаю зачем. Но должен.

– Я знаю.

– Почему? Скажи, почему я не могу его убить?

Муж посмотрел на неё долгим взглядом. В его глазах была печаль, которую Зарина не понимала.

– Ты узнаешь, – сказал он. – Скоро. Когда придёт время.

– Какое время?

– Время выбирать. Степь или море. Жизнь или смерть. Прошлое или будущее.

– Я не понимаю тебя.

– Поймёшь. – он сделал шаг вперёд и протянул руку. Она хотела коснуться его, но под пальцами была лишь пустота. – Ты сильная, Зарина. Ты всегда была сильной. Даже когда не знала этого.

– Я не чувствую себя сильной, – сказала она. – Я чувствую пустоту. С тех пор как ты ушёл.

– Я не ушёл, – сказал он. – Я здесь. В кургане. В степи. В тебе.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то ломалось. Защита, которую она строила три года, давала трещину.

– Что мне делать? – спросила она. – Что мне делать с ним?

– То, что должна, – сказал муж. – То, что подскажет сердце. Не разум, нет. Слушай только сердце.

– Я боюсь.

– Знаю. – он улыбнулся. – Но у тебя всё равно всё получится. Потому что ты – это ты.

Муж начал таять. Сначала лицо, потом руки, потом вся фигура стала прозрачной, как туман над рекой.

– Постой! – крикнула она. – Не уходи! Я не всё спросила!

– Ты ещё успеешь спросить, – сказал он, уже почти невидимый. – Когда придёт время. И я отвечу.

– Когда это время придёт?

– Скоро.

Он исчез. Осталась только степь, сумеречная, тихая, и курган, и камень со знаком, который она не могла разгадать. Она осталась одна.

– Что мне делать? – прошептала она в пустоту.

Но никто не ответил. Она открыла глаза.

Луна уже поднялась высоко над степью, когда Зарина села на шкуре, тяжело дыша. Сон был слишком ярким, слишком настоящим. Она до сих пор чувствовала запах полыни, слышала голос мужа, видела его лицо. Он был здесь. Он приходил к ней.

Она потянулась к амулету на шее. Золотая волчица – дар старого вождя, отца её мужа. Он надел его на неё, когда она стала женой его сына, и сказал: «Золото не гниёт, не тускнеет, не умирает. Будь как золото, Зарина». Слова мужа всё ещё звучали в голове: «Ты узнаешь. Скоро. Когда придёт время.»

Зарина не знала ответа. Но сон подсказывал: он знал. И ждал, когда она узнает сама.

Она встала. Накинула плащ. Вышла из шатра. Ночь была холодной, прозрачной. Звёзды висели низко, тяжёлые, как капли мёда. Ветер шевелил ковыль, и степь вздыхала во сне. Зарина пошла к шатру, где держали пленного. Ноги сами несли её. Она не спрашивала себя, зачем. Не хотела знать ответ. Сон был предупреждением. Или пророчеством. Она не знала. Но она знала: она должна увидеть этого человека прямо сейчас.

– Царица, – стражник у входа вытянулся. – Он не приходил в себя. Лекарь сказал…

– Откинь полог, – сказала она.

Внутри было тесно и душно. Воздух пах кровью, старой шерстью и чем-то ещё – сладковатым, тяжёлым. Запах лихорадки. Она знала его. Пленный лежал на овечьей шкуре, руки его были привязаны сыромятным ремнём к колу, вбитому в землю. Атрай настоял на этом. «Он опасен, царица», – сказал старый воин. «Он истекает кровью. Что он может сделать?», – ответила она. Но Атрай не уступил. И теперь ремень врезался в запястья пленного, оставляя тёмные полосы. Повязка на боку пропиталась кровью. Их лекарь сделал только самое необходимое.

Зарина нахмурилась. Она вспомнила, как сама лежала когда-то – между жизнью и смертью, в чужом шатре, в чужой степи. И кто-то сидел у её постели, менял повязки, не давал умереть. Старый вождь. Тогда он не спрашивал, кто она. Не задумывался, стоит ли эта девочка его усилий. Он просто делал то, что должен был. Теперь она делала то же самое. И не знала, почему.

– Позови лекаря, – сказала она стражнику.

– Царица? – Борисфен удивлённо поднял брови. – Он враг… Да и ночь же.

– Он мой пленный, – сказала она. – Мои пленные не умирают в наших шатрах. Никогда. Позови лекаря.

Борисфен исчез. Зарина осталась ждать. Пленный не двигался. Лицо его было бледным, почти серым, дыхание – тяжёлым, прерывистым. Она смотрела на его руки. Длинные пальцы. Шрамы – да, есть. Но не такие, как у людей, которые всю жизнь держат меч. Шрамы командира, который иногда берёт оружие, чтобы показать, что он всё ещё может. Или шрамы того, кто учился убивать позже, чем должен был.

«Кто ты такой? – подумала она. – Кто ты, и почему ты здесь? И почему мой муж говорил о тебе во сне?»

Лекарь пришёл, осмотрел рану, покачал головой.

– Ничем не могу помочь, царица. Рана загноилась. Началось заражение крови.

– Что ты предлагаешь?

– Добить. Чтобы не мучился.

Зарина смотрела на пленного. Его дыхание было слишком частым. И вдруг она разглядела в нём что-то знакомое. Что-то, что она видела во сне. В глазах мужа.

– Убирайся, – сказала она тихо.

– Царица?

– Убирайся. Я сама буду решать, кому жить, а кому умирать.

Лекарь ушёл. Зарина осталась одна. Пленный открыл глаза. Мутные, невидящие. Смотрел одновременно и на неё, и сквозь неё.

– Убей меня, – прошептал он. – Не хочу подыхать, как собака…

– Не дождёшься, – сказала она. – Ты умрёшь только тогда, когда я скажу.

– Ты не богиня…

– Нет. Я царица. И этого достаточно.

Она вышла из шатра. Атрай ждал.

– Принесите мне кипячёной воды. Чистые тряпки. Нож. И мёд. Много мёда.

– Царица, что ты задумала?

– Я буду его лечить.

Воцарилась тишина. Атрай смотрел на неё так, будто видел впервые. В его глазах мелькнуло что-то. Страх? Непонимание? Но он всё равно склонил голову.

– Слушаюсь, царица.

Она лечила раненых не в первый раз. Старый вождь, пока был жив, передал ей много секретов врачевания. Но после гибели её мужа старейшины решили, что не пристало это царице.

Зарина помнила, как сама была между жизнью и смертью, когда похитители привезли её к кочевникам. Тогда она была девочкой, которая не понимала языка. Не знала где она и не хотела жить. Старый вождь, отец её будущего мужа, сидел у её постели, менял повязки, поил отварами. Он не спал ночами, чтобы она не умерла.

«Почему?» – спросила она, когда пришла в себя.

«Потому что я смотрю на человека и вижу, есть ли в нём огонь. В тебе был уголёк. Еле теплился, но был» – таков был его ответ.

Теперь она сидела у постели другого умирающего. И не понимала, почему. Но сон... Сон говорил ей, что этот человек важен. Что-то связывало его с её судьбой. Что-то, чего она ещё не понимала, но обязательно должна была узнать.

Вода закипела. Зарина срезала старые повязки. Они прилипли к ране, и, когда она отдирала их, пленный застонал, не открывая глаз. Она промыла рану кипячёной водой с мёдом. Жёлто-зелёная жижа стекала по его боку, смешиваясь с кровью. Она делала всё быстро, не давая себе времени на раздумья. Знала, если остановится, то не сможет продолжить. Потом взяла нож, подержала над огнём, раскалила докрасна.

– Это будет больно, – сказала она. – Но ты потерпишь. Ради того, чтобы жить.

Она прижгла рану. Пленный зарычал. Глухо, сквозь стиснутые зубы. И дёрнулся так, что Зарина едва удержала его. Её руки не дрожали. Когда всё было кончено, она наложила новую

повязку, пропитанную мёдом и травами. Пленный потерял сознание. Его лицо, искажённое болью, стало спокойнее.

Она не ушла. Не смогла. Села у его изголовья, привалившись к колу, и осталась.

Ночь тянулась медленно. Слишком медленно. Она меняла повязки каждые два часа. Говорила с ним – тихо, на скифском. Не для него. Для себя, чтобы не заснуть. Рассказывала о степи, о ветрах, о том, как здесь выживают. Она не знала, слышит ли он. Не знала, важно ли это.

В бреду пленник начал говорить. Сначала на греческом – отрывистые команды, имена, названия городов. Зарина слушала. Она знала греческий – старый вождь учил её, чтобы она могла читать договоры с боспорскими купцами. Она слышала слова, которых не должна была слышать: «отряд», «командир», «царь», «предательство». Потом он перешёл на скифский. И вдруг:

– Мама… не уходи… мамочка… я боюсь…

Зарина замерла. Она смотрела на его лицо, искажённое болью, и не видела в нём врага. Перед ней был ребёнок. Который когда-то звал мать и не дозвался. Она знала это чувство. Знала, каково это – быть одному, когда вокруг чужие люди, чужой язык, чужая степь. Знала, как больно терять тех, кого любишь. И вдруг она поняла, почему не могла его убить. Почему он показался ей знакомым. Он был таким же, как она много лет назад. Одиноким. Потерянным. Выжившим.

Зарина протянула руку. Взяла его за руку. Он сжал её пальцы с неожиданной силой. Не отпускал. Она не забрала свою руку. Так и просидела с ним до рассвета.

Солнце уже было высоко, когда пленник открыл глаза. Чистые, ясные. Он смотрел на неё. На её руку, которая держала его руку. На её лицо, бледное от бессонной ночи. Зарина не отняла руки. Не сразу. Она смотрела в его глаза и не могла отвести взгляд. В них не было страха. Не было ненависти. Не было даже боли. Было что-то другое. Что-то, от чего ей хотелось отвести взгляд. И не хотелось.

– Ты осталась, – сказал он.

Голос был хриплым, слабым, но в нём не было вопроса. Он знал. Она молчала.

– Зачем?

Зарина смотрела на его руку. Ту, которую держала всю ночь. На пальцах ещё виднелись следы от её пальцев. Она медленно встала. Посмотрела на него сверху вниз.

– Потому что я не хочу быть как они, – сказала она.

Он долго смотрел на неё. Потом его губы чуть заметно изогнулись. Не усмешка. Что-то другое. Что-то, от чего у неё внутри всё перевернулось.

– Ты не такая, – сказал он. – Я знал.

Она вышла из шатра, не сказав больше ни слова. Степь встретила её солнечным светом и ветром. Атрай стоял в нескольких шагах от шатра и смотрел на неё. В его взгляде было столько беспокойства, что Зарине стало не по себе.

– Царица, – сказал он, подходя. – Ты провела с ним всю ночь. Люди говорят…

– Пусть говорят, – оборвала она. – Я сама буду его допрашивать. Зови толмача.

Час спустя она вернулась к пленнику. С ней были Атрай и толмач – старый грек, который много лет жил среди скифов и знал язык лучше, чем иные из её воинов.

Пленный сидел, прислонившись к колу. Его лицо было бледным, но взгляд оставался ясным и острым. Он смотрел на них без страха. Атрай напрягся, рука его легла на меч. Зарина заметила это, но ничего не сказала.

– Как тебя зовут? – спросила она на скифском. Толмач перевёл.

– Воин, – ответил пленный по-гречески.

– Кто твой предводитель?

– Я сказал. Воин.

– Зачем вы напали на моих людей?

Пленный посмотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то. То ли насмешка. То ли уважение

– Мы не нападали, – сказал он. – Мы возвращались из разведки. Ваши воины напали первыми.

Зарина задумалась. Такое было возможно. Её воины были в разведке, могли принять боспорцев за вражеское племя. Она посмотрела на Атрая. Тот покачал головой.

– Он лжёт, царица, – сказал Атрай. – Позволь мне…

– Нет, – сказала она. – Я сама буду его допрашивать. Выйдите.

Атрай хотел было что-то возразить. Но Зарина посмотрела на него так, что он замолчал. И поспешил выйти из шатра. Толмач вышел следом за ним. Они остались вдвоём.

Пленный смотрел на неё спокойно, без вызова, но и без страха. Зарина подошла ближе. Села напротив него – на корточки, как скифы садятся у костра. Это был жест, который он, вероятно, узнавал.

– Я знаю, что ты понимаешь меня, – сказала она на скифском.

Он молчал.

– Ты не простой воин. Я вижу твои руки.

Он медленно перевёл взгляд на свои ладони, потом снова на неё. В уголках его глаз появилась тень усмешки.

– А ты не просто царица, – сказал он. – Я вижу твои глаза.

Она замерла. Он говорил с ней не как пленный с пленившей, а как равный с равной. Такое с Зариной было впервые.

– Что же ты видишь в моих глазах? – спросила она.

– То, что ты не спишь по ночам. И то, что ты не убила меня, хотя должна была. И ещё… – он помедлил, – что-то тебе приснилось сегодня. Что-то важное.

Она сжала кулаки. Откуда он мог это знать? Он был в бреду, без сознания. Но смотрел на неё так, будто видел насквозь.

– Ты слишком смел для пленного, – сказала она.

– Я уже мёртв для своего народа. Поэтому мне всё равно.

Она смотрела на его руки. Протянула свою, взяла его запястье. Он не дёрнулся. Она перевернула его руку ладонью вверх. Мозолей от плуга не было. Шрамы от меча были.

– Тебе не приходилось много работать, – она провела пальцем по его ладони.

– Мне приходилось много убивать, – ответил он ровно.

– Убивать – это не работа. Это ремесло. И твои руки говорят, что ты не простой ремесленник.

Зарина отпустила его руку. Он медленно сжал пальцы, как будто всё ещё чувствовал её прикосновение.

– Ты не простой воин, – сказала она. – Ты командир. Или больше.

Он молчал. Но в его глазах была насмешка и уважение одновременно. Зарина смотрела на него и ждала. Он смотрел на неё. Впервые за всё время его лицо изменилось. Тень усмешки исчезла, осталось что-то другое.

– Ты хочешь знать, кто я, – сказал он. – Но ты не спросила главного.

– Чего?

– Почему я не умер. Почему я до сих пор жив.

Она молчала.

– Потому что я не хотел умирать, – сказал он. – Я ждал. Тебя.

– Ты не мог знать, что я приду, - замерла Зарина.

– Я знал, что кто-то придёт. Степь не оставляет своих.

Она смотрела на его лицо. И впервые позволила себе рассмотреть его не как врага, не как пленного, не как загадку. Просто как человека. Тёмные волосы спутались, в них запеклась кровь. Высокий лоб. Глубоко посаженные глаза. И бровь – левая – была рассечена когда-то слишком глубоко. Такой шрам не получают в бою случайно. Кто-то бил его намеренно. Долго. Жестоко. Хотел изуродовать. Или сломать.

– Откуда у тебя этот шрам? – спросила она.

Он молчал. Долго. Так долго, что она уже не надеялась услышать ответ.

– Это плата за то, что я остался жив, – сказал он.

– Кто-то пытался тебя убить?

– Кто-то пытался меня сломать. – он смотрел на неё, и в его взгляде была не боль, а холодная, застарелая ярость. – Не получилось.

Зарина смотрела на шрам, на хищный излом его брови. Кто бы ни пытался его сломать, он сделал его только сильнее. И опаснее. И в этом пленник был очень похож на неё.

Снаружи раздался голос Атрая:

– Царица! Тебя ждут старейшины. Они говорят, что это важно.

Зарина встала и посмотрела на пленного сверху вниз.

– Я всё равно узнаю, кто ты, – сказала она. – Даже если ты сам никогда не скажешь.

Он смотрел на неё снизу вверх. В его глазах не было даже тени страха. Одно лишь спокойствие. И что-то ещё, чего она не смогла прочитать.

– Знаю, – сказал он. – Поэтому я и жив.

Зарина вышла из шатра. Холодный воздух ударил в лицо. Атрай ждал её. В его глазах сквозило беспокойство.

– Царица, – сказал он. – Старейшины требуют казнить пленного. Они говорят, что его присутствие привлекает беду. Что он – знак.

– Знак чего? – спросила она, не оборачиваясь.

– Знак того, что боги недовольны. Что женщина на троне привела врага в наш дом.

Она медленно повернулась. В глазах её был такой холод, которого Атрай не видел уже давно. Но в душе её всё ещё звучали слова из сна: «То, что подскажет сердце. Не разум. Сердце».

– Передай старейшинам, что пленный останется жив. И что я сама буду его допрашивать. Каждый день.

Атрай открыл рот, чтобы возразить, но она жестом остановила его.

– И принеси ему чистые повязки. И еду. Мою еду.

Атрай замер. В его глазах мелькнуло сначала страх, потом непонимание. Но возражать он не стал, только склонил голову.

– Слушаюсь, царица.

Она пошла к своему шатру. Но на полпути остановилась. Обернулась. В щели между войлочными стенами шатра пленника пробивался слабый свет. Тень его была неподвижна.

«Я ждал тебя», – сказал он.

Она не знала, что это значит. Не знала, почему эти слова всё ещё звучат в её голове. Почему они заставляют её сердце биться быстрее. Она знала только одно: он не лжёт. И её муж, приснившийся сегодня, тоже что-то знал о нём. Знал и ждал.

Вопрос только в том, чего именно ждал пленный. Смерти? Или чего-то, что страшнее смерти? И чего ждал её муж, являясь к ней во сне впервые после трёх лет молчания?

В степи выла собака. Или волк. Или дух, почуявший, что мир живых и мир мёртвых сошлись слишком близко. Зарина посмотрела на курган, где лежал её муж. Полынь на нём была выше человеческого роста. Она росла там, где спят предки. Где спит он.

– Что ты хочешь мне сказать? – прошептала она в никуда.

Зарина вошла в свой шатёр и опустила полог. Она не смогла уснуть до самого рассвета. А когда наконец провалилась в тяжёлый сон, ей показалось, что кто-то прошептал её имя. То ли муж, то ли пленный. Она не разобрала.

3

Лагерь просыпался рано, с первыми лучами солнца. Степь ещё была серебряной от росы, а женщины уже хлопотали у костров. Дым тянулся вверх, смешиваясь с утренним туманом. В лагере пахло свежим хлебом, кислым молоком и нагретой золой. Дети бегали между шатрами, гоняли щенят, кричали что-то звонкими голосами. Воины проверяли оружие, точили мечи, чистили луки. Кони фыркали у коновязей, нетерпеливо били копытами – их ждал долгий день в степи.

Зарина любила это время. Когда никто ещё не знал о грядущих заботах и спорах, когда все были заняты своим делом. И никто не смотрел на неё с осуждением или страхом.

Шатры в лагере стояли плотно, почти вплотную – войлок к войлоку. Это было неудобно, зато безопасно. В степи враг мог прийти в любую минуту, и только теснота спасала от внезапного нападения. В центре лагеря всегда горел большой костёр – место общих собраний, судов, праздников. Возле костра старейшины решали судьбы, жрецы приносили жертвы, воины клялись в верности.

Свой шатёр Зарина поставила на краю лагеря, хотя это и не пристало царице. Не потому, что ей не нравилось быть на виду. Просто она хотела видеть степь. Хотела чувствовать ветер, который приносил запахи с горизонта. Хотела знать, что никто не подкрадётся к лагерю незамеченным.

Старый вождь – отец её мужа – научил её этому. «Царица должна спать с открытыми глазами, – говорил он. – Степь не прощает беспечности». Она помнила его слова. Всегда помнила.

Но последние дни она спала плохо. И дело было не в старейшинах, которые требовали казнить пленного. Дело было в самом пленном. В его глазах, которые смотрели на неё без страха. В его голосе, который произносил слова, от которых у неё внутри всё переворачивалось.

Зарина шла к его шатру. Пленный услышал её шаги задолго до того, как полог откинулся. Он уже знал этот звук – лёгкий, уверенный, без колебаний. Царица не кралась, не пряталась, не сомневалась. Она просто шла. Как шла на поле боя, как шла к нему в первую ночь, когда он был на грани смерти.

Он открыл глаза. Зарина вошла, и свет утреннего солнца на мгновение ослепил его. Она стояла на пороге, высокая, стройная, с заплетёнными в косы светлыми волосами, с золотой волчицей на груди. Она была красивой. Но не той красотой, которую он привык видеть при боспорском дворе. Красота этой женщины была опасной. Как степь. Как ветер. Как нож, который знает, куда и зачем он летит.

– Ты не спишь, – сказала она.

– Я мало сплю, – ответил он.

Это было правдой. Он мало спал с тех пор, как оказался здесь. Не только из-за раны, которая всё ещё ныла при каждом движении. Из-за мыслей. «Почему она не убила меня?» - он задавал себе этот вопрос каждый день. Каждую ночь. Каждое мгновение, когда оставался один.

Она была царицей. Воительницей. Она убивала врагов. И не брала пленных. Она не должна была оставлять его в живых. Но она оставила. Мало того – она лечила его. Приносила еду. Меняла повязки. Сидела у его постели ночами. Зачем? Он не понимал. Он был врагом. Он командовал отрядом, который убил её воинов. Он должен был умереть. Но она не убила.

Он смотрел на Зарину, и в его голове крутились версии. Выкуп? Возможно. Он ведь был не простым воином. За него могли заплатить. Но её лагерь не был беден, а о нём царица ничего не знала.

Информация? Он уже понял, что она не допрашивает его. Она приходила, смотрела, иногда говорила – но не спрашивала. Не требовала. Не пытала.

Что же ей нужно? Он не знал. И это пугало его больше, чем если бы царица угрожала пытками. Потому что он не умел читать её, как других. Не мог предсказать её следующий шаг. Она была для него загадкой.

А ещё он заметил, что ждал её прихода. Каждое утро. Каждый вечер. Ждал звука её шагов. Ждал, когда полог откинется и она войдёт. Это было глупо. Опасно. Безумно. Он – пленный. Она – царица. Между ними не могло быть ничего. Но он всё равно ждал.

Зарина села рядом, проверила повязку. Её пальцы были осторожными, почти нежными. Он смотрел на её руки – сильные, с татуировками на запястьях. Руки воина. Руки, которые могли убить. Но они не убивали. Они лечили.

– Рана заживает хорошо, – сказала она.

– Благодаря тебе, – ответил он.

Она не ответила. Только кивнула.

– Ты приходишь каждый день, – сказал он, когда она уже собралась уходить. – Не для допроса.

Она замерла.

– Зачем?

Зарина не ответила и вышла. Но он знал: она вернётся. Она всегда возвращалась.

Атрай уже ждал её у шатра. Старый воин стоял, опираясь на меч, и смотрел в степь. Его лицо было спокойным, но она знала его достаточно долго, чтобы увидеть напряжение в складках у рта, в сжатых челюстях.

– Ты опять ходила к нему, – сказал он.

Атрай не спрашивал. Он утверждал.

– Я хожу к нему каждый день, – ответила она. – Ты это прекрасно знаешь.

– Знаю. И это меня беспокоит.

Она села на камень у входа в шатёр. Атрай остался стоять. Старый воин не мог позволить себе расслабиться в присутствии царицы, даже если они были одни.

– Говори, – сказала она.

– Старейшины собирались на совет. Вчера вечером. Без тебя.

Зарина не удивилась. Старейшины любили собираться без неё и раньше. Они так до конца и не признали её царицей в полной мере. А в последнее время её вообще никогда не звали.

– И что они решили?

– Они требуют казнить пленного. Говорят, что его присутствие в лагере – оскорбление памяти твоего мужа. Говорят, что ты позоришь его имя, оставляя врага в живых.

– Мой муж не был старейшиной. И его память не нуждается в их защите, - она сжала кулаки.

– Твой муж был воином, – сказал Атрай. – Он убил бы врага. И точно не стал бы лечить его.

Она посмотрела на него. В его глазах не было злости, только лишь боль.

– Ты тоже так считаешь? – спросила она.

– Я знаю, что ты должна делать только то, что считаешь нужным. – Он помолчал. – Но я боюсь за тебя, царица. Старейшины не простят тебе слабости. А они видят слабость в том, что ты не убила его.

– Пусть видят, – сказала она. – Я не убиваю просто так.

– Царица. Это что-то другое. И ты это знаешь.

Она не ответила. Атрай вздохнул и ушёл, оставив её одну.

Вечером Зарина сидела у большого костра. Воины о чём-то перешёптывались. Она слышала обрывки фраз: «царица», «пленный», «предательство», «приворожил». Когда она подходила, они замолкали, отводили взгляды. Женщины у шатров тоже отворачивались. Даже дети,

которые обычно липли к ней, теперь прятались за юбки матерей. Атрай сел рядом. Молчал. Смотрел в огонь.

– Ты слишком много времени проводишь с ним, царица, – сказал он наконец, не глядя на неё. – Непозволительно много.

– Я его допрашиваю.

– Ты приносишь ему свою еду. Ты меняешь его повязки. Ты сидишь у его постели ночами.

Она молчала. Отвечать не хотелось. Да и сказать было нечего.

– Люди говорят, что он приворожил тебя. Что ты забыла, кто ты.

– Я царица. Я ничего не забыла, - голос её был холоден, и она встала, чтоб уйти:

– Я видел такое однажды, – сказал Атрай, и в его голосе было не осуждение, а боль. – Царица полюбила пленного. Это закончилось смертью обоих.

– Я не люблю его, - обернулась она.

Атрай молчал. Но в его глазах Зарина прочитала ответ. Она ушла, чувствуя на себе взгляды. Внутри неё что-то дрожало. Не страх. Не гнев. Что-то, что она пока ещё не могла назвать.

На следующий день старейшины пришли к Зарине сами. Их было четверо. Старые, седые, с лицами, изрезанными морщинами и шрамами. Они носили дорогие одежды, золотые украшения – знаки власти, которую они давно потеряли. Зарина знала их с детства. Знала, кто из них действительно мудр, а кто просто стар. Знала, кто говорит правду, а кто думает только о своей выгоде. Они стояли перед её шатром, не решаясь войти без приглашения. Зарина вышла к ним сама.

– Царица, – начал самый старый. – Мы пришли говорить о пленном.

– Я знаю, о чём вы хотите говорить, – сказала она. – И ответ не изменится. Он остаётся в живых.

– Ты не можешь так просто… – начал другой.

– Могу, – оборвала она. – Я царица. Я принимаю решения.

– Твои решения ведут нас к гибели, – сказал третий. – Пленный приносит беду. Его люди напали на нас. Они убили наших воинов. А ты лечишь его. Кормишь своей едой. Сидишь у его постели.

Зарина смотрела на них, и в глазах её был холод.

– Если вы хотите говорить о моих решениях, – сказала она, – говорите на совете. Перед всеми. А не тайком, как трусы.

Старейшины переглянулись.

– Царица, мы не хотим тебе зла. Мы хотим защитить племя. Ты должна понять… - сделал шаг вперёд самый старый.

– Я понимаю, – сказала она. – Вы боитесь. Боитесь, что я ослабла. Боитесь, что я забыла свой долг. Боитесь, что я приведу врага в наш дом.

– Я не забыла свой долг. Я помню, кто я. И я сделаю всё, чтобы защитить племя. Даже если для этого придётся оставить врага в живых, - она внимательно посмотрела на каждого из них.

Старейшины молчали. Потом самый старый покачал головой.

– Да помогут нам боги, царица, – сказал он и ушёл.

Остальные последовали за ним.

Зарина осталась одна. Она смотрела им вслед, и внутри неё что-то сжималось. Она знала: старейшины не успокоятся. Они будут ждать её ошибки. И когда она ошибётся, они набросятся на неё, как волки на раненую лань. Зарина понимала: когда-то она ошибётся. Но она не могла убить пленного. Не могла.

На следующий день Зарина снова пришла к пленному. Она села напротив него – на корточки, как скифы садятся у костра. Это был жест, который он, вероятно, узнавал. Жест равного. Повисло слишком долгое молчание. Она смотрела на него. Он смотрел на неё.

– Ты знаешь моё имя, – сказала Зарина. – Все знают моё имя. А я не знаю твоего.

Он молчал. Она ждала.

«Зачем ей моё имя? – подумал он. – Что она хочет услышать? Правду? Или очередную ложь, которую я придумал, чтобы выжить?» Он устал лгать. Устал притворяться. Устал быть тем, кем его сделали.

– Зачем тебе моё имя? – спросил он.

– Чтобы знать, кого я спасла.

Он смотрел на неё долго. Так долго, что Зарина уже думала – не ответит.

– Тиридат, – сказал он.

Имя вырвалось само. Он не планировал его называть. Но когда она смотрела на него своими янтарными глазами, он не мог лгать.

Она повторила, пробуя на вкус:

– Тири-дат. Что оно означает?

– Дар богов, – почему-то его голосе не было гордости, только лишь горечь. – Или насмешка.

– Почему насмешка?

– Потому что боги дали мне жизнь, но забрали всё остальное.

Она хотела спросить, что именно они забрали. Семью? Дом? Свободу? Но не спросила. Словно озарение в голове промелькнуло: не сейчас.

– Тиридат, – повторила она ещё раз. – Я запомню.

Зарина направилась к выходу, но на пороге остановилась.

– Ты сказал, что боги забрали у тебя всё, – сказала она, не оборачиваясь. – Они забрали всё и у меня. Я знаю, каково это – быть одной.

Она ушла, не дожидаясь ответа. Тиридат остался один. Он смотрел на полог, который колыхался за ней, и думал. «Она знает. Она понимает. Она… такая же, как я.» Он закрыл глаза. Вспомнил свой плен. Вспомнил, как его взяли. Как везли через степь, связанного, с кляпом во рту. Как бросили в шатёр, как привязали к колу. Он ждал смерти. Каждую ночь. Каждый час. Но она не убила.

Тиридат не понимал почему. Сначала думал – выкуп. Потом – информация. Потом – издевательство. Но она не требовала выкупа. Не допрашивала. Не издевалась. Она просто… приходила. Сидела рядом. Смотрела. Что же ей нужно?

Он не знал. Но он знал одно: она не враг. Она не могла быть врагом. Враг не стал бы лечить его. Враг не стал бы приносить свою еду. Враг не стал бы сидеть у его постели ночами. Кто же ты такая, царица Зарина?

Зарина лежала на шкуре, уставившись в полог шатра, и не могла уснуть.

«Тиридат», – повторяла она про себя. Имя было твёрдым, как камень. Оно не походило на скифские имена. В нём было что-то от греков, что-то от степных племён. Что-то чужое. И в то же время своё.

«Дар богов», – сказал он. Зарина думала о том, что боги дали ему жизнь, а он считает это насмешкой. Она знала это чувство. Когда ты выживаешь, но теряешь всё. Когда ты остаёшься один. Она закрыла глаза. И воспоминания тут же накрыли её.

Меня звали Зоряна. Зоря. Зорюшка. Мне было семь зим. Или восемь. Я не знала точно. Тогда мне не надо было считать. Счёт времени начался позже, когда меня привезли в степь. До этого были просто дни. Светлые и тёмные. Тёплые и холодные. Но я не считала их. Зачем считать дни, когда каждый день похож на предыдущий?

Наше село стояло на холме. Небольшое, дворов пятнадцать, не больше. Дома из брёвен, крытые соломой, с резными наличниками на окнах. У каждого дома – свой огород, своя скотина, своя жизнь. Но все они были связаны друг с другом: общей бедой, общей радостью, общим страхом перед лесом.

Под холмом текла река. Неширокая, но быстрая, с холодной водой даже в самый жаркий день. Летом мы купались там, и мать кричала с берега: «Не заплывай далеко, утонешь!» Зимой река замерзала.

За рекой – лес. Тёмный, густой, полный волков и духов. Дед говорил, что в том лесу живёт леший. Если уйти слишком далеко, он уведёт тебя в чащу, и не вернёшься никогда. Мы не ходили в лес. Даже взрослые боялись. Только отец иногда уходил с топором – дрова нужны были всем. Но он возвращался всегда. До того дня.

Дом наш стоял на краю деревни, ближе всех к лесу. Мать говорила, что отец выбрал это место, потому что любил смотреть на закат. Вечером, когда солнце садилось за деревьями, он сидел на крыльце и молчал. Я сидела рядом, прижималась к его плечу и тоже молчала. Нам не нужны были слова. Мы просто были рядом.

У матери были руки, пахнущие хлебом. Она вставала раньше всех, месила тесто, топила печь. Её хлеб был самым вкусным в деревне – мягкий, румяный, с хрустящей корочкой. Я помогала ей ставить тесто, и она гладила меня по голове и пела. У неё был тихий голос, но песни её были громкими. О любви. О разлуке. О том, что добро всегда побеждает зло. Я верила ей. Тогда.

Был ещё младший брат, Миколка. Ему было два года, когда меня увезли. Он только учился ходить, держался за мамину юбку и смеялся. Я помню его смех – звонкий, заливистый, как колокольчик. Я обещала себе, что научу его всему, чему научил меня отец. Не успела.

В деревне жизнь текла медленно. Зимой – посиделки, песни, прялки. Весной – сев, заботы, надежды. Летом – сенокос, жара, ягоды в лесу (но недалеко, только на опушке). Осенью – сбор урожая, мясо, подготовка к зиме. Каждый день был похож на предыдущий, и это было хорошо. Потому что ты знал: завтра будет так же, как сегодня. И послезавтра. И через месяц. И через год.

Я не знала, что это счастье. Не знала, что такое счастье вообще. Я просто жила. Бегала босиком по росе, лазала по деревьям, ловила рыбу в реке. Дразнила мальчишек, спорила с девчонками, тайком подглядывала за старшими. Мечтала о том, что когда вырасту, у меня будет свой дом, свой огород, свои дети.

Я не знала, что дом сгорит. Что огороды вытопчут копытами. Я не знала, что меня украдут.

Они пришли на рассвете. Я запомнила запах: конский пот, кожа, дым и что-то ещё – чужое, дикое, степное. Мать кричала. Отец выбежал с топором. Я видела, как он упал. Видела, как мать закрыла собой Миколку. Но их было много.

Я видела только ноги коней. Копыта, взбивающие грязь. И руки – сильные руки, которые схватили меня поперёк тела и вздёрнули в седло. Я кричала. Звала маму. Звала папу. Звала Миколку. Но никто не ответил.

Дальше была дорога. Бесконечная. Я не знала, сколько дней мы скакали. Иногда меня перекидывали с одного коня на другогог, когда животное выдыхалось. Я кричала первые дни. Потом перестала. Голос сел. Я только смотрела на степь, которая разворачивалась передо мной, бескрайняя, золотая, пугающая своей пустотой.

Дома остались где-то там, за горизонтом. Лес остался. Река осталась. Мама, папа, Миколка – остались. А я – нет.

К осени я заболела. Сначала кашель, потом жар, от которого плавились кости. Меня сняли с коня и бросили у дороги. И ускакали. А я лежала на сухой траве, смотрела в небо и ждала. Чего? Смерти? Спасения? Я уже не знала. Тело горело, а в голове шумела степь.

«Мама», – прошептала я. – «Мама, я хочу домой». Но никто не ответил. Я закрыла глаза и провалилась в темноту. Но перед этим попрощалась с жизнью.

Зарина села на шкуре, тяжело дыша от накативших воспоминаний. Прошло двадцать лет, но тот запах – конский пот, кожа, дым – всё ещё был с ней. Он въелся в память. И ещё запах маминого хлеба иногда возвращался по ночам. Тогда Зарина просыпалась и плакала. Не от боли. От тоски.

Она никогда никому не рассказывала об этом. Никому. Даже Атраю. Даже мужу. Даже старому вождю, который спас ей жизнь. Они знали, что она не скифянка по рождению. Но никто не знал, как её звали на самом деле. Удивительно, но её новое имя было похоже на прежнее. Никто не знал про маму, папу, Миколку. Никто не знал про реку, лес, деревню. Никто не знал, что она потеряла.

Она думала о Тиридате. О том, что он тоже звал мать в бреду. О том, что он тоже остался один. О том, что, может быть, у него тоже было село, река, лес. Может быть, он тоже помнил запах хлеба и голос матери. Зарина не знала, почему думает об этом сейчас. Почему имя – его имя – открыло то, что она заперла давным-давно.

Она встала. Накинула плащ. Вышла из шатра. Степь дышала холодом. Звёзды висели низко, тяжёлые, как капли мёда на краю сосуда. Ветер шевелил ковыль, и казалось, что земля вздыхает во сне.

Зарина обошла лагерь и остановилась у шатра, где спал Тиридат. Прямо перед ней, в лунном свете, стоял старый жрец-лекарь. Тот самый, который предлагал добить Тиридата. Он смотрел на неё странно – не как на царицу. Как на знамение.

– Ты не спишь, царица, – сказал он.

– Не твоё дело.

– Я видел тебя сегодня. Когда ты выходила от него. Твоё лицо… – он замолчал.

– Что с моим лицом?

– На нём было выражение человека, который вспомнил что-то, что пытался забыть.

Она молчала.

– Я старый, царица. Я видел многое. Иногда боги дают нам знаки, а мы не хотим их видеть. Тот человек, которого ты спасла он не просто воин. Он отмечен.

– Чем отмечен? – голос её прозвучал глухо.

– Смертью. Или чем-то неведомым. Я не знаю. Но боги не просто так свели вас.

Она смотрела на него долго. Ветер стих. Степь затаила дыхание.

– Я не верю в знаки, – сказала она.

– Ты веришь, царица, – в глазах жреца мелькнуло что-то похожее на жалость. – Ты просто боишься.

Он поклонился и ушёл. Бесшумно, как тень. Растворился в темноте между шатрами.

Зарина осталась одна. Она смотрела на звёзды. На шатёр.

Повторила про себя:

– Тиридат, - повторила она про себя.

Имя звучало в ночи. И степь, казалось, отвечала ей: жди перемен. Но внутри неё что-то уже менялось. Медленно. Неумолимо. Зарина не знала, что именно. Она знала только одно: назад дороги нет.

4

Костер потихоньку догорал. Угли тлели алым, и свет их падал на лицо Зарины, высвечивая скулы, тени под глазами, губы, сжатые в тонкую линию. Степь вокруг была черна. Лагерь освещали только звёзды, что висели низко, да костры. Ветер шевелил ковыль, и казалось, что земля вздыхает во сне.

Она сидела одна у костра, сжимая в руке чашу с гиппакой, но не пила. Смотрела на огонь, а в голове её звучали слова, сказанные сегодня утром. Тиридат – так назвал себя пленный. Дар богов. Или насмешка.

Зарина повторяла это имя про себя, пробуя на вкус, привыкая к нему. Оно было твёрдым, как камень. И совершенно не походило на скифские имена. В нём было что-то от греков, что-то от степных племён. Что-то чужое. И в то же время – своё.

Она думала о том, как изменилась её жизнь за последние дни. Он был пленным. Врагом. Ценным ресурсом. А теперь он стал… Зарина не знала, кем он стал. Она знала его имя. Знала его руки. Знала, как он зовёт мать во сне. Знала, что он тоже потерял всё. Вот только она не знала, что с этим делать.

Ветер донёс запах степи – полынь, сухая трава, холод приближающейся зимы. Она закрыла глаза, вдохнула этот запах и вспомнила, кто она сейчас. Царица. Воительница. Та, кто выжила там, где другие умирали. Но сейчас Зарина не чувствовала себя царицей. Она чувствовала себя обычной женщиной, которая сидит у костра потому, что не может уснуть.

Она открыла глаза и заметила, что стражники у шатра Тиридата сменились. Борисфен, молодой воин, стоял на посту, опираясь на копьё, и смотрел на неё с недоумением. Она знала этот взгляд. Весь лагерь смотрел на неё так последние дни.

«Царица сошла с ума, – шептались они. – Царица приворожена. Царица забыла, кто она». Она не забыла. Она помнила. Но помнить и чувствовать – разные вещи.

Зарина подняла чашу, сделала глоток. Гиппака была кислой и холодной. Она поставила чашу на землю и снова уставилась в огонь.

Вдруг раздались шаги. Не тяжёлые, не крадущиеся. Ровные, спокойные. Она подняла голову. Стражники выводили Тиридата из шатра. Зарина сама велела несколько дней назад выводить пленника на свежий воздух. Он шёл медленно и осторожно – видно, рана ещё давала о себе знать. Но он не показывал боли. Держался прямо, смотрел вперёд.

Их взгляды встретились. Она не отвела глаз. Он тоже не отвёл. В этот момент, в тишине ночной степи, между ними будто что-то вспыхнуло. Что-то, чего она не могла объяснить. Что-то, что заставило её сердце биться быстрее.

Тиридат почувствовал этот взгляд раньше, чем увидел костёр. Стражники вели его, но он почти не замечал их. Он видел только её. Зарина сидела у огня, и свет падал на её лицо, делая его золотым, почти нереальным. Он видел её в шатре много раз за последние дни. Когда она меняла повязки. Когда приносила еду. Когда сидела рядом и молчала. Но сейчас она была другой. В ней не было ничего ни от царицы, ни от воительницы. Просто женщина, которая смотрит в огонь и о чём-то думает.

«О чём ты думаешь, Зарина? – спросил он мысленно. – О чём ты жалеешь? Чего боишься?» Их взгляды встретились. Он не отвёл глаз. Она – тоже. «Она не боится меня, – подумал он. – И это очень странно. Все боятся меня. Даже мои люди. Даже те, кто служит мне. А она – нет».

Он чувствовал, как стражники напряглись, когда он остановился у костра. Борисфен переводил взгляд с него на неё и обратно. Его рука легла на меч. «Они боятся, что я причиню ей вред, – подумал Тиридат. – Глупцы. Я не могу причинить вред даже мухе в таком состоянии. А даже если бы мог… я бы не стал. Точно не ей».

Он ждал. Она смотрела на него. «Что ты сделаешь, царица? – спросил он мысленно. – Прогонишь меня? Прикажешь увести? Или…»

– Оставьте нас, – сказала она стражникам.

Тиридат почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Она хочет остаться с ним наедине. Но зачем?

– Царица, он всё ещё… – Борисфен колебался.

– Я сказала, – тихо, но твёрдо ответила Зарина.

Стражники отошли. Тиридат не двигался. Ждал.

– Садись, – сказала она, указывая на место напротив неё у костра.

Он сел. Медленно, осторожно, стараясь не показать боли. Рана на боку напомнила о себе резкой вспышкой боли, но он не подал виду. «Не показывай слабость, – приказал он себе. – Никогда не показывай слабость».

Она протянула ему чашу с гиппакой. Он взял. Их пальцы коснулись. Она не отдёрнула руку. Он не убрал свою. «Её руки тёплые, – подумал он. – У воина не должно быть таких тёплых рук». Тиридат отпил из чаши. Вернул её. Их пальцы снова коснулись.

«Она не боится меня, – подумал он. – Или боится, но не показывает. Как и я. Мы оба умеем не показывать страх».

– Почему ты не пьёшь? – спросил Тиридат.

– Я не хочу.

«Она врёт, – подумал он. – Она хочет пить. Но не пьёт, потому что не хочет, чтобы я думал, будто она расслабилась. Она всегда настороже. Даже сейчас. Даже со мной».

– Зачем ты меня позвала к костру?

– Ты всегда задаёшь такие вопросы? – усмехнулась Зарина.

«Она улыбнулась, – подумал Тиридат. – Это хорошо. Значит, она не боится. Значит, она не считает меня врагом. Или считает, но ей всё равно».

Он смотрел на неё, и внутри него боролись два чувства. Одно – инстинкт самосохранения, который шептал: «Осторожно. Она – царица. Она может убить тебя одним словом». Другое – что-то новое, чего он не узнавал. Что-то, что заставляло его хотеть говорить с ней, смотреть на неё, быть рядом.

«Что со мной происходит? – спросил он себя. – Я пленник. Она – моя пленительница. Между нами не может быть ничего».

Но она смотрела на него, и в её глазах не было ни презрения, ни жалости. Только любопытство. И что-то ещё. Что-то, что он не мог назвать.

– Только когда хочу понять, – сказал он.

– Понять что?

– Тебя.

Она смотрела на него. Огонь трещал. Ветер шумел в ковыле.

– Трудная у тебя задача, – произнесла она.

– Я знаю.

Он не отвёл взгляда. Она тоже. «Она красивая, – подумал Тиридат. – Очень красивая. И опасная. Как степь. Как огонь».

Между ними воцарилось долгое молчание. В темноте хорошо просто сидеть под треск огня. Зарина первой нарушила тишину. Она заговорила о степи. О том, как здесь выживают. О ветрах, которые приносят дождь, и о тех, что приносят засуху. Рассказала, как научилась читать следы, различать травы, понимать язык животных.

В её голосе не было гордости. Это было что-то другое. Может быть, благодарность степи, которая приняла её, когда она была никем. Тиридат слушал. Не перебивал. Не задавал вопросов. Просто слушал.

– В первый год я пыталась бежать, – вспоминает она, глядя в огонь. – Три раза. Меня ловили, возвращали, наказывали. В четвёртый раз я не побежала.

– Почему?

– Я поняла, что бежать некуда.

Тиридат смотрел на неё. Но в его взгляде совсем не было жалости. Только понимание. «Она тоже была одна, – подумал он. – Как я. Она тоже потеряла всё. И выжила. Как я».

– Как ты научилась быть царицей? – спросил он.

– Этому не научишься. Я научилась быть сильной, – ответила она. – А царицей меня сделали другие.

Она замолчала. Отвела взгляд, а потом пристально посмотрела на него.

– А ты? Как ты научился быть воином?

«Она не хотела быть царицей, – понял он. – Она стала ей, потому что не было выбора. Как я стал воином. Как я стал тем, кем стал. У нас не было выбора». Тиридат долго молчал, не зная, что сказать. Потому что их судьбы были очень похожи.

– Я не учился. Меня сделали, – наконец он решился сказать то, что не говорил никому. – Мне было семь лет, когда убили мою семью. Я спрятался. Я смотрел. Я не мог ничего сделать.

Зарина слушала его ровный, спокойный голос и не перебивала.

– Меня взяли чужие люди. Я рос среди тех, кто считал меня чужаком. Я научился быть лучше всех. Лучше фехтовать. Лучше говорить. Лучше убивать. Чтобы никто не мог сказать, что я слабее, потому что я чужой.

«Я не должен был этого говорить, – подумал Тиридат, когда слова уже вылетели. – Я не должен был рассказывать ей о прошлом. Она – враг. Она может использовать это против меня». Но она слушала. Не перебивала. Не задавала вопросов. Просто слушала. И в её глазах не было жалости. Было понимание. «Она понимает, – понял он. – Она тоже потеряла всё. Она тоже знает, каково это – быть одной».

– Ты когда-нибудь хотел вернуться? – спросила она.

«Каждый день, – хотел сказать он. – Каждый день я хотел вернуться. Но не к кому. Все умерли».

– Не к кому. Все умерли, – он посмотрел на огонь.

Снова повисло молчание. Только треск огня и шум ветра нарушали ночную тишину. Она смотрела на его лицо. На рассечённую бровь. На шрамы. Только сейчас Зарина поняла, откуда они. Его пытались сломать, но не получилось.

Она протянула руку через костёр. Не коснулась его. Просто протянула. «Что она делает? – подумал он. – Что это значит?» Тиридат смотрел на её руку. На пальцы, которые когда-то касались его запястья. На шрамы, которые покрывали её ладонь – следы войны, следы жизни. Он поднял глаза. Она смотрела на него с пониманием.

«Она не враг, – понял он. – Она никогда не была врагом. Она – такая же, как я». Она убрала руку. Отвела взгляд. Смотрела в огонь. «Что это было? – спросил он себя. – Жест дружбы? Жест сострадания? Или…»

Он не закончил мысль. Не захотел.

– Ты не пытаешься мне льстить, – неожиданно сказала Зарина. – Почему?

– Ты хочешь, чтобы я льстил? – удивился он.

– Нет. Все льстят. Все говорят то, что я хочу услышать. А ты…

– Я говорю то, что думаю. И это опасно.

– Почему?

– Потому что правда может стоить жизни.

– Ты пленный. Твоя жизнь и так висит на волоске, – усмехнулась она.

– Значит, мне терять нечего.

– Ты не боишься меня, – сказала она.

– Нет, – ответил он. – Боюсь. Но не тебя.

«Я боюсь себя, – подумал он. – Боюсь того, что чувствую. Боюсь, что это чувство сделает меня слабым. Боюсь, что я не смогу его контролировать».

– Чего же?

– Что я ошибся в тебе, – после долгого молчания всё-таки ответил он.

«Я не ошибся, – понял он, когда слова уже вылетели. – Я не ошибся. Она действительно не такая. Она – другая».

Зарина сделала вид, что не поняла. Или не захотела понимать. Но внутри неё что-то ёкнуло.

– В чём? – спросила она.

– Я думал, что все царицы одинаковы. Жестокие. Равнодушные. Смотрящие на людей как на вещи. А ты не такая.

– Откуда ты знаешь?

– Я видел тебя, – произнёс он. – Я видел, как ты лечила меня. Как сидела у моей постели. Как приносила свою еду. Как смотрела на меня. Ты не такая.

Она хотела сказать что-то резкое, но не смогла. Потому что он был прав. И Зарина это знала.

– Тебе пора в шатёр, – она быстро встала.

«Она прогоняет меня, – подумал он. – Она боится. Не меня. Себя. Как и я».

– Спасибо, – он поднялся медленно и осторожно. – За разговор.

«За то, что не прогнала меня раньше. За то, что выслушала. За то, что не смотришь на меня как на чудовище».

Зарина не ответила. Только смотрела, как он уходит. «Она смотрит мне вслед, – подумал он. – Я чувствую её взгляд. Она не хочет, чтобы я уходил. Но не может сказать этого. Как и я».

Костёр догорел. Угли гасли один за другим, и степь погружалась в темноту. Звёзды висели низко, и казалось, что до них можно дотянуться рукой, но Зарина не протягивала руки. Сидела неподвижно, смотрела на тлеющие угли, чувствуя, как холод подбирается к спине, к плечам, к сердцу.

Она не знала, сколько прошло времени. Может, минута. Может, час. Она знала только одно: он ушёл. И она осталась одна. «Почему?» – подумала она. – «Почему я не хочу, чтобы он уходил?»

Она не знала ответа. Или не хотела знать. Она подняла голову. Посмотрела на шатёр, куда его увели. И замерла.

В щели между войлочными пологами горел свет. Слабый, дрожащий – светильник, который он зажёг, когда вернулся. Он не спал. Она смотрела на этот свет. Долго. Смотрела и не могла отвести глаз.

Ветер стих. Степь молчала. Даже звёзды, казалось, замерли. А она всё сидела у догоревшего костра и смотрела на свет в его шатре. И не двигалась с места.

5

Степь замерла под палящим солнцем. Воздух дрожал от зноя. Казалось, даже травы застыли. Тени от шатров стали чересчур короткими, и в них не было никакого спасения от зноя. Лошади у коновязи стояли, низко опустив головы, и только отмахивались хвостами от слепней. Даже собаки попрятались в тень, высунув языки.

Зарина сидела в своём шатре. Перед ней были разложены шкуры. Надо было что-то отобрать для предстоящего обмена. Но мысли были заняты совсем другим. Тем, с кем она сидела у костра. другим. В голове всё ещё звучал его низкий и спокойный голос. А память подкидывала обрывки его рассказов о его прошлом.

Зарина злилась на саму себя. За то, что не может выбросить этого человека из головы. За то, что каждое утро ждёт часа, когда можно пойти к его шатру. За то, что приносит ему свою еду. За то, что рядом с ним просто хорошо сидеть и молчать.

«Я же царица! – сказала она себе. – У меня есть дела поважнее. Племя, которое нужно кормить. Старейшины, которые плетут заговор. Враги у границ. А я сижу и думаю о каком-то пленном». Но мысли не уходили.

Жара становилась невыносимой. Воздух в шатре был тяжёлым и липким. Пот стекал по спине. Волосы прилипли к вискам. Даже дышать было трудно. Зарина вспомнила о дальнем озере. О том месте, куда когда-то водил её старый вождь. Вода там была холодной, прозрачной из-за ручья. И она почти не пахла тиной. Там можно было спрятаться от жары. От мыслей. И от самой себя.

Она сняла кафтан – тяжёлый, тёмно-красный, расшитый золотом. Сняла лёгкие чешуйчатые доспехи, которые не снимала даже на ночь. Сняла амулеты, браслеты, перстни. Осталась в простой льняной тунике, без украшений, без знаков власти. Никто не узнал бы в ней сейчас царицу. Самая обычная женщина.

Выходя из шатра, на мгновение замерла. Солнце ударило в лицо, ослепило. Степь плавилась.

Атрай окликнул её, когда она уже отвязала коня.

– Царица, куда ты?

– К озеру. Не жди меня.

– Возьми охрану. В степи неспокойно.

– Я сама. Не надо никого.

Она вскочила в седло и поскакала, не оглядываясь. Но спиной всё равно чувствовала Атрая. Беспокойный. Недоверчивый.

Зарина не знала, что старый воин отдал приказ следить за ней. Не знала, что Борисфен, молодой воин, смотрит ей вслед и хмурится. Не знала, что её отъезд заметили и доложили старейшинам.

Тропа вилась между холмами, терялась в пожухлом ковыле, снова появлялась. Степь кое-где уже посерела. В воздухе пахло сухостью и полынью. Далеко в небе кружил орел – высматривал добычу.

Зарина ехала медленно, не торопясь. Конь, умный Буран, чувствовал её настроение. Он шёл ровно, не сбиваясь, и только иногда водил ноздрями, когда ветер приносил незнакомый запах.

Она вспоминала, как ходила сюда в детстве. Старый вождь, отец её мужа, приводил её учиться плавать. Зарина очень сильно боялась воды – боялась, что она затянет, утопит, не отпустит. А он смеялся и говорил: «Степь не терпит страха. Вода – это та же степь, только жидкая. Не бойся её. Уважай. Но не бойся». Она же всё равно боялась. Но училась. Он держал

её за руки, когда она входила в воду, не давал утонуть. «Дыши, – говорил он. – Вода дышит с тобой. Чувствуешь?» Она чувствовала. И перестала бояться.

Теперь она ехала к этому озеру, чтобы спрятаться от жары. И от себя. «Как изменилась жизнь, – думала она. – Тогда я была никем. Украденной девочкой, которая не знала языка. Я даже не знала, наступит ли для меня завтрашний день. А теперь я царица. Воительница. Та, кого боятся. Та, кто принимает решения».

Но иногда ей казалось, что та девочка всё ещё живёт в ней. Та, которая плакала по ночам, когда никто не видел. Та, которая звала мать. Та, которая боялась воды.

Зарина услышала звук воды. Тонкий, едва уловимый – журчание ручья, который прятался в низине между холмами. Она пришпорила коня. И вдруг заметила следы на тропе. Свежие. Не её. Кто-то прошёл здесь до неё. Несколько человек. Совсем недавно. Следы на песке были ещё видны.

Зарина насторожилась. Рука сама потянулась к кинжалу на поясе. Но она не остановилась. Не могла. Она подъехала к последнему повороту. Спешилась. Привязала Бурана к чахлому кусту. Пошла дальше пешком.

Из-за кустов доносился плеск воды. И ещё звук, от которого она замерла. Человеческий голос. Он пел. Тихий, низкий, на незнакомом языке. Мелодия была грустной, тягучей, как степной ветер. Зарина узнала этот голос. Её сердце пропустило удар.

Она вышла из-за кустов и замерла. Озеро было небольшим, но глубоким. Вода блестела на солнце, переливалась синим и зелёным, серебряным. На берегу, на плоском камне, лежала куча одежды. Простая туника, штаны, пояс. Всё.

А в воде был он. Тиридат стоял по пояс в воде, спиной к ней, и солнце обжигало его плечи, покрытые шрамами. Она видела их все. Старые, белые, которые зажили давно. Новые, ещё розовые, которые она перевязывала своими руками. Шрам от стрелы на боку. Шрам от меча на лопатке. Шрамы на руках, на спине, на шее, происхождение которых она не знала. Карта боли, которую он носил всю жизнь.

Его плечи были широкими, спина мускулистой, но на ней – следы войны, следы жизни, следы того, что его пытались сломать. И не сломали. Зарина не могла отвести взгляд.

Он не услышал её шагов. Вода шумела, журчала, плескалась. Он наклонился, окунулся с головой, и его тело скрылось под водой на мгновение. А потом вынырнуло – сильное, живое, настоящее. Он откинул мокрые волосы назад, провёл рукой по лицу, и она увидела его профиль – не больного, не пленного. Живого. Сильного. Красивого.

Зарина понимала, что должна уйти. Сейчас же. Пока он не заметил. Но не могла. Ноги не слушались. Она стояла как вкопанная, смотрела на него, и внутри неё что-то переворачивалось.

Тиридат обернулся. Заметил её. Замер. Вода стекала по его лицу, по плечам, по груди. Он не отводил от неё глаз. Она тоже. Молчание длилось долго. Может, мгновение. Может, вечность.

Он медленно вышел из воды. Не торопясь. Не прячась. Не стыдясь. Он шёл к берегу, и вода стекала по его телу, собиралась в ложбинке позвоночника, падала на песок.

Она видела его всего. Шрамы на боках, на руках, на груди. Один – длинный, наискось, через всё ребро. Другой – круглый, похожий на след от стрелы. Третий – рваный, заживший криво, будто его зашивали наспех, в поле.

Он взял одежду. Надел штаны. Потом тунику. Всё так же медленно, как будто времени у них было в избытке. Как будто они были одни в степи. И у них было много времени. Она стояла, не двигаясь. Смотрела на его руки – те самые, которые она держала в ту ночь, когда он умирал. Те самые, которые сжимали её руку в бреду.

Тиридат повернулся к ней. В его глазах – не насмешка. Не вызов. Что-то другое. Она не знала, что. Он подошёл к ней. Остановился в шаге. Она не отступила. Он протянул руку и

коснулся её плеча. Легко. Почти невесомо. Убрал прядь волос, упавшую на лицо. Она замерла. Её сердце билось так сильно, что, казалось, он должен был услышать его звук.

Тиридат убрал руку. Смотрел на неё.

Она наконец нашла в себе силы сказать.

– Как ты здесь оказался? - Зарина наконец нашла в себе силы что-то сказать. – Сбежал? Тогда не надо было тратить время на купание.

– Стражники разрешили, – ответил он. – Сказали, что царица далеко.

– А я пришла купаться. И где же стражники?

– Были тут. Не ругай их, царица!

Она смотрела на него. На сломанную бровь. На мокрые волосы, которые падали на лоб. На шрамы, которые она теперь знала почти наизусть. Она чувствовала, как кровь приливает к щекам, и это её бесило.

– Ты смущена, царица, – сказал Тиридат, и голос его был спокоен, ровен. – А я думал, скифские женщины не знают стыда.

Она вспыхнула.

– Скифские женщины чувствуют только то, что хотят чувствовать, – Зарина вспыхнула и ответила резче, чем хотела.

Он усмехнулся. Первый раз, когда она видела его улыбку такой. Не насмешливой. Не защитной. Настоящей. Тёплой. Живой.

– Тогда я скажу тебе то, что ты хочешь услышать, – сказал он. – Ты красивая, когда злишься.

Она замерла. Не знала, что ответить.

– Я уйду. Оставлю тебя купаться, - он сделал шаг назад.

В кустах показались стражники. Она не просила его остаться. Не просила уйти. Просто стояла и смотрела, как он идёт по тропе.

– Не стоит бояться того, что ты чувствуешь, царица. Стыд – плохой советчик, - Тиридат обернулся на полпути и ушёл.

Зарина осталась одна на берегу. Смотрела на воду, которая ещё помнила тепло его тела. Села на камень, где он сидел. Чувствовала, как её кожа горит, хотя вода была холодной. Она закрыла глаза и снова увидела его, как наяву.. Шрамы. Воду. Глаза, которые смотрели на неё без страха.

Стоило схватить его и отвезти обратно в лагерь. А ещё наказать – стражников за то, что оставили его без присмотра. И за то, что привели его сюда.

«Почему я ничего этого не сделала?» - спросила Зарина. Но никто ей не ответил. Ветер стих. Степь молчала.

Она встала. Сняла тунику. Вошла в озеро. Вода оказалась такой холодной, что даже перехватило дыхание. Но её кожа горела, и холод казался облегчением. Она окунулась с головой. Сидела под водой, пока лёгкие не начали гореть. Хотела, чтобы вода смыла всё – его взгляд, его голос, его слова. Не смывала.

Она вынырнула и посмотрела на берег. Его следы ещё виднелись на песке. Зарина вышла из воды, оделась и пошла к коню. На обратном пути в лагерь она вспоминала его слова: «Ты красивая, когда злишься». Она поняла, что проиграла. Не битву. Не войну. Что-то другое.

6

Зарина шла через лагерь, и вдруг её осенило. Лагерь стал чужим. Женщины отводили взгляды, когда она проходила. Воины замолкали, не договаривая фраз. Шёпот затихал, но стоило ей отойти на пару шагов, как он снова возобновлялся. Этот шёпот полз за ней по пятам, шелестел, как змея в сухой траве, и не было от него спасения.

«О чём они шепчутся? – думала она. – Что я слаба? Что я предала свой род? Что я сплю с врагом?»

Она сжала кулаки, заставив себя держать спину прямо и голову высоко. Она – царица. Она не имеет права показывать страх. Даже когда этот самый страх разъедает её изнутри.

Воины у костра замолкали, когда она проходила мимо. Женщины у шатров отворачивались. Даже дети, обычно бежавшие к ней отовсюду, теперь прятались за юбки матерей. Лагерь, который когда-то был её домом, стал чужим. Холодным. Враждебным.

Она знала о недовольстве старейшин. Знала об их желании видеть мужчину на троне. Но дело было даже не в том, что Зарина – женщина. Нет. Старейшинам нужен был тот, кем можно управлять. Кто-то слабый и безвольный. И этот кто-то будет делать то, что они скажут. Она знала об этом не один год. Но сегодня что-то изменилось. Шёпот за спиной стал громче. Взгляды завистников – острее. В воздухе пахло заговором.

Зарина уже подходила к своему шатру, заметив краем глаза незнакомца. Из шатра старейшин вышел человек. И это был не её воин. Чужак. Она узнала его одежду – грубая шерсть, кожаные штаны, расшитые особым узором. Соседнее племя. Они давно хотели подмять под себя её людей. Но без поддержки действовать опасались. Вот и выжидали, когда она ослабнет.

Зарина замерла на мгновение. Быстро опомнившись, она шагнула за угол шатра и спряталась в тени. Незнакомец сел на коня. Бросил оценивающий взгляд на лагерь. В это мгновение он чем-то напоминал волка, учуявшего добычу. И уехал в темноту, не оглядываясь.

Из шатра вышли старейшины. Четверо. Старые, седые, с морщинистыми лицами, изрезанными шрамами. Они не могли её видеть. Но всё равно не решались разговаривать в полный голос, поэтому шептались, склонив головы друг к другу.

Ветер доносил до Зарины обрывки слов.

– …царица… слаба…

– …новый вождь… нужен сильный…

– …союз с соседями… в обмен…

Совсем скоро голоса стихли. Старейшины разошлись по своим шатрам, не оглядываясь. Они не заметили её.

Зарина стояла в тени одного из шатров. Ярость охватила её. Тяжёлая, всепоглощающая. Она хотела выйти, крикнуть, потребовать ответа. Но не сделала этого. Не сейчас. Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, Зарина попыталась мыслить здраво. Сначала нужно выяснить, кто с ними заодно. Кто уже предал её.

Она подождала, пока лагерь затихнет. Только тогда вышла из тени, направившись к своему шатру.

Атрай уже ждал Зарину. Он сидел в темноте. Лица его не было видно – только лишь силуэт на войлоке шатра. Он не зажёг огонь. И даже не пошевелился, когда она вошла. Из темноты раздался его ровный спокойный голос, в котором почему-то отчётливо слышалась боль.

– Пришла… - протянул он. – Старейшины тайно встречаются с вождём соседнего племени уже несколько недель, – сказал он. – Они обещают ему часть земель и стад. Взамен – поддержка. Если ты падёшь, он поможет им поставить нового вождя.

– Кого?

– Своего человека. Слабого. Которым будут управлять.

– Ты знал? – спросила она.

– Знал, – ответил он. – Я предупреждал тебя, царица, что так может быть. Но ты не слушала.

Она шагнула вперёд, села напротив Атрая. В полутьме его лицо казалось вырезанным из камня. Зарина внимательно посмотрела на него. Старые шрамы, седая борода, глаза, которые видели многое. Слишком многое.

– Почему же я была так слепа? – спросила она.

– Не знаю, девочка. Я надеялся, что ты сама увидишь, – сказал он. – Что ты перестанешь ходить к пленному и вспомнишь, кто ты.

Внутри смешались гнев, обида и страх, грозя выплеснуться наружу. Но Зарина снова лишь сжала кулаки, голос её остался таким же нарочито спокойным.

– Я не забывала, кто я.

– Ты забыла, что такое власть, царица. – Атрай подался вперёд, и свет упал на его лицо, усталое, но не злое. – Власть – это не меч. Это в первую очередь – страх. Твои враги перестали тебя бояться. Они видят, что ты ходишь к пленному, приносишь ему свою еду, сидишь у его постели. Они думают, что ты слаба. Что тобой можно управлять.

– Я не хочу, чтобы меня боялись, – возразила она.

– А я не хочу, чтобы тебя убили, – сказал он. – Но, видимо, наши желания не совпадают.

Она смотрела на него. Старый воин, который всегда был верен старому вождю, а потом её мужу. Теперь он был верен ей. Это он помогал её учиться держать меч. Это он плакал вместе с ней, когда убили её мужа. И он не предал её и сейчас, даже когда весь лагерь перешёптывался о том, чего не было.

– Что мне делать? – спросила она.

Атрай вздохнул. В этом вздохе было всё – и усталость, и надежда, и страх.

– У тебя есть один козырь, – сказал он. – Пленный. Зарина, он не простой воин. Пленный. Он не простой воин. Я послал людей в Боспор без твоего ведома. Они всё разузнали. Он стратег. Правая рука царя. Его люди заплатят за него любую цену. Ты получишь оружие, коней, золото. И тогда старейшины поймут: ты сильна.

– Ты хочешь, чтобы я продала его? – спросила она дрогнувшим голосом.

Зарина не хотела, чтобы Атрай услышал эту дрожь, но не смогла её сдержать.

– Я хочу, чтобы ты выжила, царица. – он подошёл ближе, положил руку на её плечо. – Я знаю, что ты чувствуешь к нему. Я не слепой. Но ты – царица. Твои люди – твоя семья. Твоя кровь. А он – враг. Даже если ты любишь его, он остаётся врагом.

– Я не люблю его, – сказала она.

Атрай посмотрел на неё. В его глазах было что-то, похожее на жалость.

– Ты лжёшь не мне, царица. Ты лжёшь себе.

Она долго молчала. Смотрела на свои руки – на шрамы, на татуировки, на золотую волчицу на запястье. Потом подняла глаза.

– Я подумаю.

Атрай встал. Его кости хрустнули – почтенный возраст давал о себе знать. У полога он он обернулся.

– Не думай слишком долго, царица. Время работает против тебя. У тебя его уже нет.

Он ушёл, оставив её одну. Зарина выглянула за полог шатра. Взгляд задержался на шатре, где держали Тиридата. Там горел свет. Он не спал. Она чувствовала это. *«Что мне делать?*– подумала она. – *Я не смогу его продать. Не смогу. Но если я не получу оружие, старейшины убьют меня. Или изгонят. И что тогда с ним будет?»*На этот вопрос у неё ответа не было.

Тёмная звёздная ночь повисла над степью. Лагерь спал. Лошади фыркали у коновязей, собаки во сне тявкали на луну. Только звёзды смотрели сверху. Холодные, равнодушные наблюдатели того, что происходило внизу, на земле.

Зарина шла к шатру Тиридата. Ноги сами несли её. Она не спрашивала себя, зачем туда идёт. Потому что не хотела знать ответ. В голове всё ещё звучали слова Атрая: «У тебя есть один козырь. Пленный. Его люди заплатят за него. Ты получишь оружие, коней, золото». Атрай был прав. Она знала это. Если она не получит оружие, старейшины сместят её. И тогда она не сможет защитить Тиридата. «Но я не могу его продать, – думала она. – Не могу. Он – не козырь. Он – живой человек!»

Зарина шла между шатрами, а степь молчала. Даже ветер стих, будто притаился, слушая её шаги. Тени от луны ложились на землю, будто живые. Казалось, они тянулись к ней, шептали что-то, но она не слушала.

Стражники у шатра Тиридата пропустили её без слов. Они уже привыкли и даже не удивлялись. Только переглянулись, когда она проходила мимо.

Тиридат не спал. Сидел, прислонившись к колу, смотрел на неё. В его глазах был вопрос, но он не задавал его. Ждал. Она села напротив. Долго молчала. Огонь светильника плясал, отбрасывая тени на его лицо. Рассечённая бровь. Тёмные глаза. Шрамы.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала она.

Зарина рассказала ему всё. О старейшинах, которые хотели сместить её. О соседнем племени, которое готово было поддержать их. О том, что у неё нет союзников, кроме Атрая. О том, что она осталась одна.

Тиридат слушал. Не задавал вопросов. Просто смотрел на неё с пониманием.

– Выход только один. Ты напишешь письмо своим людям, – сказала она. – Они заплатят выкуп. Я получим оружие, коней, золото. И тогда я смогу удержать власть.

Он смотрел на неё долго. Так долго, что она уже почти смирилась с тем, что услышит отказ.

– Ты хочешь продать меня, – сказал он.

– Я просто хочу выжить.

Он снова замолчал. Она ждала, затаив дыхание.

Она пришла к нему за помощью. Не приказала. Нет. Попросила. Царица, которая могла убить меня десятком способов, просит о помощи. Что это? Слабость? Или что-то другое?

Он смотрел на её уставшее, бледное лицо и понял одну простую вещь. Зарина боялась. Нет, не его. Заговора. Ей была не так страшна смерть, как предательство. Она боялась остаться одной. Тиридат знал это чувство. Оно было ему знакомо.

Неужели она, и правда, хотела этого? Продать. Использовать как разменную монету. А взамен получить оружие, коней, золото. И всё это только для того, чтобы удержать власть. Неужели Зарина могла отпустить его навсегда?

Но почему-то всё услышанное не вызвало у Тиридата злости. Он не возненавидел царицу, хотя и должен был. За него заплатят выкуп, и он сможет уйти. Но больше никогда не увидит её глаз. С ним происходило что-то невероятное. Он даже не обрадовался забрезжившей свободе.

– Я напишу письмо, – сказал он. – Но с одним условием.

– Каким?

– Когда придёт выкуп, ты отпустишь меня сама. Лично. Не воины. Не Атрай. А ты.

– Почему? – она смотрела на него и совершенно не понимала его условия.

Если бы он только знал ответ на этот вопрос. Потому что он хотел запомнить её лицо. Чтобы она осталась в его памяти и в его сердце. Потому что Тиридат полюбил царицу. Несмотря на то, что она собиралась продать его. Эта любовь – чистой воды безумие. Ведь царица никогда не будет ему принадлежать. Чувства к ней – эта слабость. Слабость, способная обернуться смертью. Но Тиридат ничего не мог с этим поделать.

– Потому что я доверяю только тебе, – сказал он. – Если меня поведут твои воины, они могут убить меня в последний момент. Или я убью их. Но если ты скажешь, что я свободен, тогда я поверю.

Она замерла. Он видел, как внутри неё что-то сжалось.

– Хорошо, – сказала она. – Я отпущу тебя сама.

Он кивнул. Внутри что-то шевельнулось – то ли облегчение, то ли боль. Зарина отпускала его. Навсегда.

– Тогда принеси мне письменные принадлежности.

– Тиридат, - она уже пошла к выходу, но остановилась у входа.

– Что? – он посмотрел на неё.

– Почему ты доверяешь мне?

Он смотрел на неё. На её лицо, освещённое светом луны. На её глаза с золотыми искрами. На её руки – сильные, в шрамах, которые когда-то касались его.

Почему? Странный вопрос. Потому что она спасла ему жизнь. Потому что лечила его. Потому что сидела ночами у его постели. Потому что приносила свою еду. Потому что не смотрела на него как на врага. Потому что она – единственная, кто не лгал. Потому что он полюбил её. Но вслух Тиридат этого не сказал. Не мог.

– Потому что ты единственная, кто не хотел убить меня. Хотя и должна была желать моей смерти, – сказал он.

Она вышла. Оставила его в темноте.

Тиридат остался один. Смотрел на полог, за которым она только что ушла. Слышал её шаги – лёгкие, уверенные. Шаги царицы, которая не знает страха. Которая боится только одного – потерять саму себя.

Она не знала, что чувствует Тиридат. А он готов был остаться в этом лагере. Готов был отказаться от свободы. Готов был умереть ради неё. Потому что полюбил.

Он закрыл глаза и вспомнил её лицо. Её глаза, когда она говорила: «Я хочу выжить». Царица выживет. Обязательно. Пусть даже такой ценой.

Луна светила в щель в войлоке. Тиридат смотрел на этот свет и думал о том, что когда привезут выкуп, она отпустит его. И они больше никогда не увидятся. В голове у него промелькнула предательская мысль: а что, если не уходить? Если остаться?

Он не знал ответа на этот вопрос. Но уходить ему не хотелось. И это единственное, что сейчас имело значение.

7

Утренний свет пробивался сквозь войлок, окрашивая шатёр в золотистый цвет. Зарина вошла в шатёр. Она принесла письменные принадлежности – вощёные таблички, стило, маленькую чернильницу из рога. Редкость в степи. Привозные из Боспора. Атрай ворчал, когда она велела достать их из походной казны: *«Царица, это богатство. Зачем оно пленному?»*Но она не ответила. Просто взяла.

Тиридат сидел, прислонившись к колу, и его лицо, ещё бледное, но уже не серое, казалось в этом свете почти живым. Он не спал. Под глазами залегли тени, но взгляд был ясным, острым. Тиридат смотрел на неё, когда она вошла. Смотрел так, будто ждал.

Она села напротив. Положила таблички между ними.

– Ты готов? – спросила она.

– Я ждал тебя, – ответил он. – Ты сказала, гонец отправится на рассвете. Рассвет уже наступил.

Она смотрела на него. В его словах не было упрёка. Только спокойствие. Но Зарина чувствовала: он ждал не рассвета. Тиридат ждал её.

– Пиши, - она протянула ему табличку.

Он взял стило, обмакнул в чернила. Она диктовала условия. Он писал. Она смотрела на его руки. На то, как пальцы сжимают стило, как выводят греческие буквы. Уверенно. Спокойно. Как будто он делал это тысячи раз.

И вдруг Зарина заметила: он пишет не то, что она диктует.

– Ты пишешь не то, – сказала она.

– Я пишу то, что нужно, - он усмехнулся и поднял на неё глаза.

Зарина наклонилась, заглядывая в табличку. Греческий она знала – старый вождь учил её, чтобы могла читать договоры с боспорскими купцами. Буквы складывались в слова. В конце письма, после перечисления условий, добавлена фраза.

– «Расскажи всё моей собаке», – прочитала она вслух. – Что это значит?

– Условный знак, – сказал он. – Мои люди поймут, что письмо подлинное. Что я жив. Что я писал это письмо не под принуждением.

Она смотрела на него. В её глазах читалось удивление, смешанное с уважением.

– Ты хитёр.

– Я всего лишь хорошо научился выживать, – пожал плечами он.

– Твоя собака скоро узнает, что ты жив? – усмехнулась Зарина.

– У меня нет собаки, – сказал он. – Это просто знак.

Она смотрела на него. И вдруг представила. Его люди получают письмо. Читают про собаку. Понимают, что он жив. И начинают действовать. Всё это только из-за собаки, которой не существует. Это было так нелепо, так странно, так смешно.

Зарина не сдержалась. Сначала слегка усмехнулась – коротко, сухо, почти незаметно. Потом улыбнулась. Уголки её губ дрогнули, лицо смягчилось. А потом она засмеялась. Громко, свободно, как не смеялась много лет. Смех вырвался из груди, тёплый, живой, и она не могла его остановить. Он смотрел на неё и не отводил глаз. Зарина заметила его взгляд и замолчала. Потому что прочитала в его глазах что-то такое, от чего её сердце билось быстрее.

Они, молча, смотрели друг на друга. Её смех утих, но тепло от него ещё осталось.

– Я ещё ни разу не слышал, как ты смеёшься, – сказал он.

– Мне некогда смеяться, – ответила она.

Вот только в её голосе уже не было прежней резкости. Лишь усталость. И поразительная лёгкость, которую она не узнавала.

– Царицам тоже нужно смеяться. Хотя бы иногда.

– Откуда ты знаешь? Ты же не царь, - она внимательно смотрела на его бледное измождённое лицо.

Тиридат молчал. На его лице появилось совершенно новая эмоция. Не насмешка. Не вызов. Что-то другое. Тёплое и живое.

– Может быть, я и не царь, – сказал он. – Но я знаю, что значит нести тяжесть долга. И я знаю, что смех – это единственное, что помогает её нести.

Зарина смотрела на него долго. Потом её губы снова тронула тихая, тёплая улыбка. И она негромко засмеялась.

– Ты странный, – сказала она. – Пленный, который учит царицу смеяться.

Он улыбнулся в ответ. Первый раз она видела улыбку Тиридата такой. Не насмешливой. Не защитной. Просто тёплой, открытой, живой. Его лицо, всегда напряжённое, хищное, вдруг стало мягче.

– Может быть, царицам нужны странные пленные, – сказал он.

Она протянула руку и коснулась его руки. Легко. Почти невесомо.

– Ты должен дописать письмо, – сказала она. – Гонец ждёт.

Он смотрел на её руку, потом на неё.

– Да, – сказал он. – Должен.

Но своей руки не убрал.

Гонец в тот день всё-таки ушёл с письмом. Зарина же чем только не занималась – встречалась со старейшинами, проверяла пастбища, отдавала приказы. Но мысли всё равно были только о нём. Его лицо. Его усмешка, когда она прочитала про собаку. Его улыбка, когда она сказала, что он странный.

Ночью она лежала на шкуре, смотрела в потолок шатра и не могла уснуть. Внутри неё всё ещё звучало это тепло. Смех, который вырвался из самой глубины её души. Она не помнила, когда смеялась в последний раз. Может быть, на первых уроках верховой езды. Тогда, со старым вождём Зарина чувствовала себя в безопасности. Может быть, с мужем, в первый год их брака. Но всё это было так давно, что казалось, будто и не с ней.

А сейчас она снова смеялась. Над глупой собакой, которой не существовало. Над пленным, который написал нелепое письмо. Над собой, сидевшей в шатре врага и смеющейся, как маленькая девчонка.

Зарина перевернулась на другой бок. Не помогло. Она встала, накинула плащ и вышла из шатра.

Степь спала. Луна висела низко, её свет падал на войлочные стены шатров, на спящих лошадей у коновязи, на ковыль, который шевелился от ветра. Она смотрела на шатёр, где он спал. В щели пробивался свет. Тиридат тоже не спал. Она хотела пойти к нему. Хотела сесть рядом, как тогда у костра. Хотела ещё раз увидеть его улыбку. Но здравый смысл возобладал, и она не пошла.

Зарина вернулась в шатёр и наконец-то заснула. Ей снилась степь. Бескрайняя, золотая. Ковыль волновался под ветром, и небо было высоким-высоким, а она была маленькой, и ей не нужно было быть царицей.

Он стоял у ручья. Того самого, где она застала его купающимся. Он улыбался. Протягивал руку.

– Зарина, – звал он.

Она шла к нему. Но расстояние не сокращалось. Она шла быстрее. Бежала. Он был всё так же далеко.

– Зарина, – звал он снова. Его голос был тёплым, как смех, как улыбка, как свет в шатре.

Она бежала. Не могла добежать. Он улыбался, но его лицо становилось дальше, дальше, таяло в золотом свете степи…

8

Дни тянулись медленно. Зарина просыпалась на рассвете, и первая мысль всегда была о нём. Она не хотела этих мыслей. Она запрещала их себе. Но мысли приходили раньше, чем она успевала её отгонять.

Она занималась делами племени. Проверяла стада, принимала старейшин, разбирала споры. Воины докладывали о передвижениях соседей, женщины жаловались на нехватку муки, дети болели, и надо было посылать за лекарем. Всё это требовало её внимания. Всё это было важно.

Но она всё равно то и дело смотрела на горизонт. Там, за ковылём, за холмами, за бескрайней степью, должен был появиться всадник. Гонец с ответом. С выкупом. Три дня до боспорцев. Три дня обратно. Шесть дней ожидания. Она отсчитывала дни с того самого утра, когда письмо ушло.

Прошло четыре дней. Завтра должен быть пятый. Но Зарина знала, что ждёт совсем не ответа. Не выкупа. Не оружия. Она ждала повода зайти к Тиридату в шатёр.

Утром она шла к колодцу, и всегда мимо его шатра. Днём она несла ему еду, хотя это не входило в обязанности царицы. Вечером она проверяла стражу и задерживалась дольше, чем нужно.

Зарина убеждала себя, что это всё ради дела. Она должна знать, что пленник не сбежал. Что с ним всё в порядке. Но она-то знала: это всё неправда.

Вечером она зашла к нему с кувшином кумыса. Он сидел, прислонившись к колу, и смотрел на неё тем взглядом, от которого у неё перехватывало дыхание.

– Ты приносишь мне еду каждый день, – сказал он. – Не знал, что это входит в обязанности царицы?

– Ответ придёт скоро, – сказала она, не ответив на вопрос.

Он кивнул.

– Ты рада?

Она промолчала.

– Ты получишь оружие, коней, золото. Сможешь удержать власть, – продолжал он. – Ты рада?

– Я сделаю то, что должна, – ответила она.

– Это не ответ.

– Это единственный ответ, который у меня есть.

Он смотрел на неё долго. Потом сказал:

– Ты боишься не заговора, Зарина. Ты боишься себя.

Она встала. Резко, слишком резко.

– Ты не знаешь, чего я боюсь.

– Знаю, – сказал он тихо. – Ты боишься, что когда придёт ответ, ты не захочешь меня отпускать.

Она стояла на пороге, не оборачиваясь.

– Когда придёт ответ, я отпущу тебя. И больше мы не увидимся.

Он молчал. Она вышла.

Но её руки дрожали.

Позже Зарина сидела в своём шатре. Перед ней лежала карта пастбищ, записи о стадах – всё, что требовало её внимания. Но она не видела ни карты, ни записей. Она смотрела на полог шатра, за которым – его шатёр.

Вошёл Атрай.

Он сел напротив. Смотрел на неё долго, тяжело, как смотрят на больного, которому боятся сказать правду.

– Царица, ты знаешь, что я верен тебе, – сказал Атрай. – Я был верен твоему мужу. Я был верен старому вождю. Я скажу тебе правду, даже если ты не хочешь её слышать.

– Говори.

– Ты привязалась к нему. Я видел это в твоих глазах, когда ты выходишь из его шатра. Я слышал это в твоём голосе, когда ты говоришь о нём. Ты не хочешь его отпускать.

Она молчала. Сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони.

– Это пройдёт, – сказала она. – Когда придёт выкуп, я отпущу его. И всё закончится.

– Закончится? – Атрай смотрел на неё. – Ты веришь в это?

Она не ответила.

– Я видел такое однажды, царица. – Его голос стал тише, тяжелее. – Царица полюбила пленного. Это закончилось смертью.

– Я не люблю его, – сказала она.

Но в голосе не было уверенности. Атрай встал. Посмотрел на неё сверху вниз.

– Я скажу тебе ещё кое-что, царица. Его люди не придут. Ты знаешь это? Если он командир, если он ценен, его не отпустят. За него заплатят выкуп, но не для того, чтобы он вернулся. Для того, чтобы он не вернулся. Его люди захотят, чтобы он умер здесь.

Она смотрела на него, не понимая.

– Что ты сказал?

– Подумай, царица. Если он так ценен, почему его отправили в разведку одного? Почему его не искали? Почему выкуп пришлют, но не войско? Его хотят убрать. И ты сделала это за них.

Атрай ушёл. Она осталась одна.

Она сидела в темноте. Слова Атрая звучали в голове, и она не могла их заглушить. «Его хотят убрать. И ты сделала это за них». Она думала о Тиридате. О том, что он сказал: «Я доверяю только тебе». О том, что он писал письмо, зная, что его люди могут не прийти. Он знал. Знал, что его хотят убить. Знал, что она – его единственный шанс. И всё равно доверял ей. «Я не могу его отпустить, – подумала она. – Если я отпущу его, его убьют. Свои же».

Она встала. Хотела идти к нему. Но остановилась. «Царица полюбила пленного. Это закончилось смертью». Она села. Закрыла лицо руками.

Она приняла решение. Когда придёт выкуп, она отпустит его. Не потому, что хочет. Потому что должна. Потому что она потеряет себя. Потеряет власть. Потеряет всё.

– Я больше не приду к тебе, – прошептала она в темноту. – Когда придёт выкуп, я отпущу тебя. И больше мы не увидимся.

Она легла. Закрыла глаза. Не спала.

Тиридат сидел в своём шатре, прислонившись к колу, и смотрел на полог. Он ждал. Ждал её шагов. Ждал, когда войдёт. Он уже знал этот звук – лёгкий, уверенный, без колебаний. Она никогда не кралась. Она просто шла.

Но сегодня она не пришла. Сначала он подумал, что Зарина занята. У царицы ведь много дел. Заговоры, старейшины, стада – всё это требовало её времени. Он убеждал себя, что это просто совпадение. Что ещё немного, и она придёт. Как всегда.

Но она не пришла. Он слышал шаги стражников, голоса женщин у костров, ржание лошадей. Но её шагов не было слышно.

Внезапно к Тиридату пришло озарение: она решила больше не приходить. Он не знал, почему. Может быть, старейшины сказали ей что-то. Может быть, она сама решила, что так будет правильно. Может быть, она боялась – не заговора, не его, а себя. Своих чувств. Того, что они становятся слишком сильными.

Он закрыл глаза. Увидел её лицо. Её глаза, когда она смеялась над его глупой собакой. Её руки, когда она меняла повязки. Её голос, когда она сказала: «Потому что я не хочу быть как они».

Тиридат скучал по ней. Это было странное чувство. Раньше он не скучал ни по кому. Его взяли в плен, когда он был ребёнком. У него не было дома. Не было семьи. Не было никого, по кому можно было бы скучать. Он привык быть один. Он научился не нуждаться в других.

Но теперь он скучал. Он скучал по её голосу. По её молчанию. По тому, как она смотрела на него – не как на врага, не как на пленного, а как на человека. Как на равного.

«Она не придёт, – сказал он себе. – Она так решила. И я должен с этим смириться. Она боится того же, чего боюсь я. Что однажды она придёт и не сможет уйти. Что если она останется, то потеряет себя. Что если она…»

Он не закончил мысль.

Ночь стояла над степью тёмная и тяжёлая. Зарина не спала уже несколько ночей. Она лежала на шкуре, смотрела на полог шатра и перебирала в памяти каждое его слово. *«Я доверяю только тебе». «Ты не такая». «Я не хочу уходить»*. И боялась задать себе один-единственный самый главный вопрос,:*«А что, если я тоже не хочу, чтобы он уходил?»*

В одно мгновение что-то изменилось. Степь, всегда живая, всегда дышащая, замерла. Замерла как-то неестественно и пугающе. Даже ветер стих.

Она вышла из шатра. Небо на западе было чернее чёрного. Не просто ночное и тёмное. Оно было плотным, тяжёлым, как свинец. Вдалеке, одна за другой, били молнии. Но грома не было слышно. Только один за другим были видны сполохи – жёлтые, белые, красные. Далеко, слишком далеко.

Старый воин, дежуривший у костра, что-то тихонько бормотал себе под нос.

– Гроза идёт, царица, – сказал он, не глядя на неё. – Сильная. Может шатры снести. Боги гневаются.

Она смотрела на небо, и внутри неё росла тревога. Зарина думала о Тиридате. О том, что он прикован к колу. И если шатер снесёт, то в лучшем случае он останется под открытым небом. Совершенно беззащитный перед стихией. А в худшем…

Первая капля упала ей на лицо. Холодная, тяжёлая. Следом ещё одна. А потом взвыл ветер, и степь застонала под его порывами.

Зарина смотрела на шатёр Тиридата. Ветер уже рвал войлок, расшатывал колышки. Стражников не было видно. Дождь стоял сплошной стеной, и каждая капля хлестала так, словно это было наказание плетьми. Молнии уже били в землю очень близко. Казалось, вся степь горела синим огнём.

Она бежала. Ветром сорвало плащ и унесло в темноту. Волосы хлестали по лицу, закрывали глаза, но она не останавливалась. Люди кричали, лошади ржали, шатры падали за её спиной, словно карточные домики. Кто-то схватил её за руку – женщина, старик, она не различала лиц. Но Зарина вырвалась, не ответив. Не могла отвечать. Ей нужно было успеть.

Она думала только о том, что Тиридат был прикован. И что он не может укрыться. Она споткнулась и упала в грязь. Тут же вскочила и побежала дальше.

Шатра Тиридата уже не было. Ветер сорвал войлок, разметал колышки, разнёс всё, что было внутри, в клочья. Остался только кол, вбитый в землю. И он.

Тиридат стоял на коленях в грязи, прикованный к этому колу сыромятным ремнём. Дождь хлестал его, ветер рвал одежду, молнии били так близко, что земля дрожала. Голова его была опущена. Волосы слиплись, лицо в грязи. Он дрожал.

Она подбежала к нему. Упала на колени рядом. Дотронулась до его плеча – он был ледяным.

– Тиридат! – крикнула она, перекрывая вой ветра.

Он поднял голову. Увидел её. В его глазах не было боли и страха – одно лишь удивление.

– Зарина, – сказал он, и голос его срывался, – уходи. Столб сейчас вырвет, меня унесёт...

– Замолчи! – закричала она.

Она дёрнула узел. Ремень намок, затянулся. Пальцы скользили по мокрой коже.

– Беги! – кричал он. – Беги!

– Я сказала – замолчи!

Столб кренился всё сильнее. Ещё немного – и ветер вырвет его из земли. Она не успеет развязать узел. Она не успеет. Зарина выхватила нож и перерезала ремень.

В тот же миг столб вырвало из земли. Ветер унёс его в темноту. Он исчез, словно его и не было.

Тиридат упал. Она подхватила его. Он был тяжелее её, намного тяжелее. Но Зарина держала. Не отпускала.

Из темноты вынырнули тени – наконец-то появились стражники. Борисфен, промокший до нитки, с перекошенным от страха лицом, кинулся к ним.

– Царица, что ты делаешь? – крикнул он. – Он пленный!

– Убирайтесь, – рыкнула она, не оборачиваясь.

– Царица, если он сбежит...

Она обернулась. В её глазах была такая ярость, что стражники испугались ещё больше.

– Я сказала – убирайтесь.

И они отступили. Зарина повела его к чудом уцелевшему шатру Атрая. Полумёртвого, дрожащего, еле переставляющего ноги. Дождь заливал глаза, но она не останавливалась. Тянула его за собой.

Атрай уже был внутри. Он посмотрел на неё, на Тиридата, на её руки, которые обнимали пленного за плечи. Но ничего не сказал. Только молча отступил в сторону, пропуская их.

В шатре было темно, но сухо. Пахло кожей, старой шерстью и дымом. Это был запах Атрая, запах мужчины, который жил войной и не ждал покоя. Зарина усадила Тиридата на шкуру. Он дрожал от холода, от слабости, от всего сразу. Его зубы стучали, плечи тряслись, и она видела, как он пытается сдержать дрожь, но не может. Не в этот раз.

Она схватила первую попавшуюся толстую шерстяную тунику Атрая и набросила ему на плечи. Туника сползла набок, но всё равно хотя бы немного согревала его и дрожь утихала. Зарина села рядом, взяла его руки в свои и начала тереть. Сильно, быстро, чтобы вернуть кровоток, чтобы прогнать холод, который уже пропитал его до костей. Пальцы были ледяными, почти белыми, и дрожь передавалась ей. Или это её собственные руки дрожали. Она уже и сама не понимала.

Тиридат смотрел на неё. В его глазах был один-единственный вопрос. Не упрёк. Не страх. Вопрос.

– Зачем? – сказал он. Голос был хриплым, срывался на шёпот. – Зачем ты пришла? Зачем рисковала? Зачем...

– Не задавай глупых вопросов, – оборвала она.

А сама продолжала тереть его руки. Сильнее. Быстрее. Без остановки. Чтобы он согрелся. Чтобы она сама не замёрзла. Чтобы не думать о том, что она только что сделала. Что бросилась под молнии ради него. Что порезала руку, резала ремень, бежала, падала, вставала.

Ради него. Он смотрел на неё долго. Что-то менялось в его глазах – удивление, непонимание, благодарность. Потом он замолчал. И позволил ей дальше тереть его руки. Позволил согревать. Но всё-таки произнёс:

– Ты могла погибнуть. Молния, ветер, столб... Зачем ты это сделала?

9

Зарина смотрела на огонь. Пламя лизало края светильника, отбрасывало тени на их лица.

– Почему ты меня не убила? – спросил он.

Она подняла глаза. Смотрела на него долго. Огонь мерцал, и в этом мерцании его лицо казалось то живым, то мёртвым.

– В первый раз, когда ты могла меня убить, – продолжал он, и голос его был ровным, спокойным, – на поле. Потом, когда я был в лихорадке и твой жрец предлагал добить меня, чтоб не мучился. И сегодня, когда я был прикован под дождём, ты пришла и освободила меня. Почему?

Она молчала. Долго. Огонь потрескивал. Дождь стучал. Тиридат смотрел на неё. Ждал. Не перебивал.

– Я не хочу быть как те, кто убивает без причины, – сказала она. – Как те, кто бросает умирать у дороги. Как те, кто смотрит на человека и видит только выгоду. Я не хочу быть как они.

Она замолчала. Он тоже молчал. Но в его глазах было понимание. И что-то ещё – то ли уважение, то ли нежность.

– А ты? – спросила она. – Почему ты не пытался сбежать?

– Куда? В степь, где меня убьют? Нет, Зарина. Я решил, что если и умирать, то от твоей руки или по твоему приказу. – он горько усмехнулся.

Они сидели молча. Дождь стихал. Светильник догорал. Жир почти выгорел, фитиль зачадил. Огонь стал коптить, тени на стенах затанцевали.

Она смотрела на тени. На его лицо. И вдруг поняла, что не хочет, чтобы он уходил. Не сейчас. Никогда.

– Расскажи мне, – попросил Тиридат. – Как ты стала царицей?

Ей никто не задавал этого вопроса. Никто не спрашивал. Все знали, кто она. Все видели в ней царицу, воительницу, ту, кто выжила. Но никто не спрашивал, как. Никто не хотел знать про боль, про страх, про тот путь, который она прошла.

Она начала говорить. Сначала тихо, неуверенно, а потом слова полились сами собой.

– Меня звали Зоряна, – сказала она и вздрогнула, ведь это имя она не произносила уже много лет.

Мне было семь зим. Или восемь. Тогда не надо было считать. Счёт времени начался позже, когда меня привезли в степь. До этого были просто дни. Светлые и тёмные. Тёплые и холодные. Дни, которые я не считала и не запоминала.

Деревня стояла на холме. Небольшая, дворов пятнадцать, не больше. Дома из брёвен, крытые соломой, с резными наличниками на окнах. У каждого дома – свой огород, своя скотина, своя жизнь. У каждого дома – своя боль, своя радость, свой страх. Но все они были связаны друг с другом. Общей землёй, общей рекой, общим лесом за рекой. Тёмным, густым, полным волков и духов.

Дед говорил, что в том лесу живёт леший. Я не знала, кто это. Дед говорил, что если уйти слишком далеко, леший уведёт тебя в чащу, и не вернёшься никогда. Я боялась леса. Боялась больше, чем волков. Волка можно убить. А лешего – нельзя. Леший – это дух. Это сила. Это страх, который нельзя победить.

Я не уходила в лес. Я не уходила даже на опушку. Я держалась дома, ближе к матери, к отцу, в безопасности. Но меня унесли из собственного дома. Лес не тронул меня. Люди тронули. Чужие люди, с конями и копьями, с запахом, которого я не знала. Запахом степи.

Они пришли на рассвете. Мать отчаянно кричала. Её крик -последние, что я слышала в родном доме. Отец выбежал с топором, но не успел ничего сделать. Их было много. Я не знала,

сколько. Я видела только ноги коней. Копыта, взбивающие грязь. И сильные, вздёрнувшие меня на седло.

А потом была дорога. Бесконечная. Я не знала, сколько дней мы скакали. Может, три. Может, семь. Может, месяц. Иногда меня перекидывали с коня на коня, когда животное выдыхалось. Я кричала первые дни. Потом перестала. Голос сел. Я только смотрела на степь. Она разворачивалась передо мной, бескрайняя, золотая, пугающая своей пустотой.

Дома остались где-то там, за горизонтом. Лес остался. Река осталась. Мама, папа, Миколка. А я – нет.

К осени я заболела. Сухой, лающий кашель раздирал горло. Невыносимо сильный жар пытался расплавить кости. Я чувствовала, как огонь пожирает меня изнутри. Как из тела вытекает жизнь, капля за каплей, как кровь из раны, которую нельзя перевязать. Тогда меня сняли с коня и бросили у дороги.

Я лежала на сухой траве, смотрела в небо и ждала чего-то. Смерти? Спасения? Я уже не знала. Тело горело, а в голове шумела степь. Голосов не было. Только ветер.

«Мама», – прошептала я. – «Мама, я хочу к тебе». Никто не ответил. Я закрыла глаза и провалилась в темноту.

Очнулась потом не сразу. Яркий золотистый свет проник сквозь веки. Я лежала на чём-то мягком – на шкуре, пахнущей овцой и дымом. Потом запах – дым, травы, овечье молоко. И голос пробился сквозь пелену: «Смотри, открыла глаза. Живучая».

Передо мной сидел мужчина. Не отец. Не чужак. Кто-то незнакомый. Лицо в морщинах, как старая кора. Волосы седые, спутанные. Глаза – светлые, пронзительные, как у хищной птицы. На груди у него был амулет с золотым волком. Он смотрел на меня. Смотрел долго, не моргая, и в его взгляде не было жалости.

«Где я?» – прошептала я. Голос был чужим, хриплым, не моим.

«В моём доме, – сказал он. – Ты почти умерла. Мои воины нашли тебя у дороги. Думали, что ты уже мёртвая, но я велел взять. Посмотрел на тебя и понял: выживешь».

«Как вы узнали?»

«У меня глаз намётан, – он усмехнулся, и в усмешке не было жестокости. – Я смотрю на человека и вижу, есть ли в нём огонь. В тебе был уголёк. Еле теплился, но был».

Я хотела спросить, где моя мать, где отец, где Миколка. Но слова застряли в горле. Я уже знала ответ. Дом остался там, за горизонтом. А здесь – только степь и этот старик с глазами хищной птицы.

«Как тебя зовут?» – спросил он.

«Зоряна», – ответила я.

Он покачал головой: «Слишком мягко. В степи такие имена не носят. Я дам тебе другое. Зарина. Означает «золотая». Золото не гниёт, не тускнеет, не умирает».

«Я не просила новое имя», – разозлилась я. Голос мой был слабым, больным, но он звучал грозно. Так грозно, что старик поднял брови и засмеялся. Смех был громким, раскатистым, и от него задрожали золотые украшения на его груди.

«Вот, – сказал он, указывая на меня пальцем. – Вот этот огонь я и увидел. Ты борешься. Даже когда нечем дышать. Ты не умрёшь. Я тебя выхожу, и ты станешь моей».

«Вашей?» – переспросила я, не понимая.

«Женой моего сына, – сказал он просто. – Моей царицей. Моим наследством. Я стар, а моему сыну отмерян недолгий век. Но у нас есть племя, которое нужно передать. Ты будешь сильной. Я сделаю тебя сильной».

Я хотела сказать, что не хочу быть чьей-то женой. Не хочу оставаться в этой степи. Хочу домой. К маме. К папе. К Миколке. К реке, к лесу, к резным наличникам на окнах. Но не произнесла ни слова. Вместо этого зарыдала. Я плакала молча, глядя в потолок шатра, а старик

сидел рядом и ждал. Он не утешал меня. Не гладил по голове. Не говорил, что всё будет хорошо. Он просто ждал.

«Не плачь, – сказал он, когда я затихла. – Твой дом сгорел. Твоя мать мертва. Твой отец тоже. Я посылал людей проверить. Кочевники, которые тебя взяли, сожгли всё».

Я не поверила ему тогда. Не могла поверить. Мать не могла умереть. Отец – тоже. Они были сильными, они были живыми, они были моими. Они не могли просто исчезнуть, как дым. Но годы спустя я поняла: он не лгал. У него не было причин лгать. Он был жесток, но честен. Он сказал правду, потому что не умел говорить иначе.

Он выходил меня. Сам. Своими руками менял повязки, поил отварами, сидел у моей постели ночами. Я просыпалась от того, что он сидит рядом, молчит, смотрит на меня своими хищными глазами. Я боялась его.

Когда я начала ходить – первые шаги после болезни были шагами к нему, – он подарил мне маленький акинак. «Будешь учиться, – сказал он. – В степи выживают сильные. Или умирают. Другого не дано».

Я взяла меч. И научилась. Научилась всему: стрелять из лука, скакать на коне, говорить на чужом языке, забывать тот, на котором молилась когда-то. Научилась не плакать, не просить, не ждать спасения. Научилась быть одна.

Через год я стала женой его сына. Свадьбы я почти не помнила – только запах жертвенной крови и тяжесть золота на шее. Сын ждал, пока я подрасту, и не прикасался ко мне раньше времени. В этом была их семейная странная честность.

Я думала, что возненавижу его. Но ненависть не пришла. Вместо неё пришло что-то другое: уважение, благодарность, а потом и нежность. Он, как и его отец, учил меня читать следы, различать травы, понимать язык ветра. Он говорил: «Ты будешь царицей. Не потому, что мы так хотим. Потому что ты уже царица. Тебе просто нужно это вспомнить».

Когда он умер, я не плакала при всех. Не могла. Не имела права. Царица не плачет. Царица смотрит смерти в лицо и не моргает. Я стояла у его погребального костра, и огонь лизал тело, и дым уходил в небо, и я не проронила ни слезинки.

Но ночью я вышла в степь, села на его свежем кургане и плакала. Плакала, пока не рассвело. «Я не хотела быть сильной, – шептала я. – Я хотела, чтобы ты был рядом». Он не ответил. Мёртвые не говорят.

Наутро я умылась ледяной водой, надела золотую волчицу на шею и сказала племени: «Я ваша царица». И больше никогда я не позволяла себе слабости. До сегодняшнего дня.

Зарина замолчала. Она смотрела на потухший светильник, на тлеющие угли, которые ещё дышали теплом. Голос её сорвался, слова кончились. Она рассказала то, что не рассказывала никому. Даже мужу. Даже Атраю. Они знали, что она пришла из другого мира. Но никто не знал, как её звали на самом деле. Никто не знал про маму, папу, Миколку. Никто не знал про реку, лес, деревню. Никто не знал, что она потеряла.

– Ты была одна, – сказал он. – Всё время одна.

– Нет, – сказала она. – Был старый вождь и его сын. А потом я научилась быть одна.

Тиридат взял её за руку. Её пальцы были холодными, но в его руке они согревались.

– Тиридат, – сказала она. – Я боюсь.

– Чего? – спросил он.

– Царица! – голос Атрая разорвал тишину. – Гонец!

Зарина замерла.

– Царица! – снова крикнул Атрай. – Ответ от боспорцев!

Зарина сидела у входа в свой восстановленный шатёр, сжимая в руках вощёную дощечку. Долгожданный ответ от боспорцев. Но она не решалась его прочитать. Не могла. Зарина смотрела на печать с боспорским знаком. Там, под слоем застывшей смолы, был ответ, который мог изменить всё. Или ничего не изменить.

Вокруг лагерь просыпался. Женщины разводили костры, запах дыма смешивался с запахом мокрой земли после ночной грозы. Где-то ржали лошади, где-то кричали дети. Жизнь шла своим чередом, как будто ничего не случилось. Как будто ночью не было бури, молний, погибших.

Но Зарина знала: всё уже изменилось. «Открой, – сказал внутренний голос. – Открой и узнай. Хватит ждать». Но она не могла.

Она смотрела на дощечку, а внутри неё боролись два чувства. Надежда на то, что выкуп даст ей оружие, коней, золото. И тогда она сможет удержать власть, защитить племя, выжить. А ещё страх. Ведь когда придёт выкуп, она отпустит Тиридата. И больше никогда не увидит. Не увидит его лицо. Его глаза, которые смотрели на неё без страха.

Зарина подняла голову. Оглянулась на лагерь. Люди смотрели на неё. Воины, женщины, дети. Все ждали. Все знали, что гонец привёз ответ. Все хотели знать – будет мир или война. Будет выкуп или нет.

Атрай стоял рядом, не спрашивал, не торопил. Он ждал. Как всегда. Наверное, он уже знал, что она чувствует. Наверное, он уже догадался, что Зарина не хочет его пленника.

– Царица, – сказал Атрай, и голос его был тихим, почти мягким, – ты должна прочитать. Что бы там ни было – ты должна знать.

Она кивнула. Провела ножом по краю дощечки и печать сломалась.

Греческие буквы плясали перед глазами. Она читала по слогам, как ребёнок, хотя знала этот язык лучше многих греков. Но буквы не складывались в слова. Отказывались складываться. Буквы прыгали, сливались, расплывались. Зарина не могла прочитать.

– Что там, царица? – спросил Атрай.

Она не ответила. Прочитала ещё раз. Медленно, вслух, чтобы убедиться, что не ошибается.

– Мы согласны на выкуп, – едва слышным шёпотом читала она. – Тридцать лошадей, десять мешков золота, оружие для отряда. Обмен через три дня. Место – старый курган у реки. Привести пленного живым. Если он умрёт, тогда будет война.

Руки её дрожали. Зарина перечитала послание ещё раз. Но от этого слова не изменились. Тридцать лошадей, десять мешков золота, оружие для отряда. Обмен через три дня. Старый курган у реки.

Выкуп будет. Племя получит оружие. Коней. Золото. И она сможет удержать власть. Сможет защитить свой род. Сможет выжить.

Ей бы радоваться, но внутри неё была пустота. Холодная, тяжёлая, как степь зимой. Зарина думала о том, что будет когда придёт выкуп. Она отпустит Тиридата. Они отвезут его к кургану, передадут боспорцам, и больше он никогда не увидит её. И она не увидит его. Никогда.

– Что там, царица?» – спросил кто-то.

– Три дня, – сказала она. – Через три дня мы обменяем пленника на оружие, лошадей и золото.

Люди зашумели. Кто-то вздохнул с облегчением, кто-то засмеялся, кто-то заплакал. Выкуп – это жизнь. Они будут жить. Они смогут защитить себя. Они смогут победить другие племена.

Зарина слышала их голоса, но они казались такими далёкими. Она смотрела на шатёр Атрая. Там, за войлоком, спал Тиридат. Он ещё ничего не знал, что выкуп придёт. Не знал, что через три дня они простятся навсегда. Не знал, что она уже сейчас, читая эти слова, чувствовала, как всё обрывается внутри неё.

– Ты скажешь ему? – спросил Атрай.

Она обернулась. Посмотрела на старого воина и увидела беспокойство в его глазах. И боль. Атрай видел, что с ней происходит. Он прекрасно знал, что чувствует Зарина.

– Да, я скажу ему. Сама, – ответила она.

Зарина подошла к шатру Атрая. Борисфен и Танаид стояли на своём посту. Они не спали, хотя ночь была тяжёлой.

– Царица, – поприветствовал её Борисфен и отступил в сторону.

Она лишь кивнула, затем откинула полог и вошла.

– Пришёл ответ, – сказала Зарина.

Тиридат внимательно смотрел на неё, но ничего не спрашивал. Ждал.

– Через три дня за тобой приедут, – продолжала она, и голос её был ровным, спокойным, хотя внутри всё дрожало. – Обмен у старого кургана. Они пришлют выкуп.

Он снова кивнул. Но на его лице не было ни одной эмоции. Ни тени облегчения, ни тени радости. Только спокойствие и принятие.

– С выкупом ты сможешь удержать власть? – спросил Тиридат.

– Да, - кивнула Зарина

– Ты рада?

Она молчала, не знала что ему ответить.

– Вот только почему-то ты выглядишь так, будто проиграла битву, - с горькой усмешкой произнёс Тиридат.

Она подняла глаза и встретилась с ним взглядом. И увидела в его глазах понимание. Этот человек видел её насквозь. Тиридат знал, что она чувствует.

– Может быть, – сказала Зарина.

Снаружи шумел лагерь. Все готовились к предстоящему обмену.

– Три дня, – сказал Тиридат. – Не так много.

– Да, – ответила Зарина. – Не так много.

– Ты боишься, царица?

– Чего?

– Что я уйду. Что ты больше никогда меня не увидишь.

– Я сама решила продать тебя, – сказала она. – Я сама отправила письмо. Я сама просила выкуп.

– Я знаю.

– Тогда зачем спрашиваешь?

Он посмотрел на неё. В его глазах было что-то такое, что она не могла прочитать.

– Потому что ты не хочешь меня отпускать, – сказал Тиридат. – Я вижу это по твоим глазам. И я хочу знать, почему.

– Ты ничего не можешь обо мне знать, – сказала Зарина. – Ты – пленный. Я – царица. Между нами не может быть ничего.

– Ничего, – повторил Тиридат. – Я запомню это слово. Когда я уйду, я буду повторять его себе. Чтобы не сойти с ума.

– Что ты хочешь услышать? – спросила Зарина. – Что я не хочу, чтобы ты уходил? Что я боюсь остаться одна? Что я… что я…

Она не закончила. Не могла.

– Что? – спросил Тиридат.

Она смотрела на него.

– Ничего, – сказала Зарина. – Ничего.

Она вышла из шатра, не оборачиваясь. В её глазах стояли слёзы. Слёзы, которые она не позволяла себе уже много лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.